

"Неизвестная жизнь Иисуса Христа"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

mir-knigi.org

Н Нотович

Неизвестная жизнь Иисуса Христа

К издателям

Господа,

мне отраднo слышать, что вы решили опубликовать английский перевод моей книги «Неизвестная Жизнь Иисуса Христа», которая впервые вышла на французском языке в начале прошлого года.

Этот перевод не является дословной копией французского издания. Неизбежные затруднения, связанные с публикацией, привели к тому, что первый раз моя книга была напечатана в большой спешке, что и нанесло ей немалый ущерб. У меня было всего пять дней, чтобы набросать предисловие, введение и заключение, и едва ли несколько часов на правку гранок.

Это и явилось причиной определенного недостатка аргументов в поддержку некоторых моих утверждений, а также появления смысловых разрывов в повествовании и многих опечаток, вокруг которых был поднят шум моими противниками, не заметившими, что своим чрезмерным усердием рубить сплеча и указывать на поверхностные недостатки они лишь продемонстрировали собственное бессилие, набросившись на ствол того дерева, которое я взрастил и которое выстояло под самыми яростными порывами ветра, пытавшегося повалить его.

В самом деле, они оказали мне услугу, за которую я искренне им благодарен, поскольку способствовали пересмотру этой темы, что мне самому казалось необходимым. Я всегда рад воспользоваться любыми сведениями и не настолько искушен в востоковедении, чтобы не быть уверенным в необходимости больших знаний.

Таким образом, английские читатели первыми извлекут выгоду из той обоснованной критики, которую я принял, и тех поправок, которые я внес.

Итак, я предлагаю английскому читателю книгу, очищенную от ошибок и свободную от каких-либо неточностей в деталях, за которые меня попрекали так ожесточенно и настойчиво, как,

например, в случае с китайским императором, время правления которого я указал верно, но ошибся, приписывая ему принадлежность к другой династии.

Моя цель и искреннее желание, – чтобы английская публика, – обладающая острым умом, но настороженно относящаяся к любым новшествам в особенности, если речь идет о религии, – смогла бы судить о моем труде по его смысловым качествам, а не по грамматическим или типографским ошибкам, на что до сего момента опирались мои противники, стремясь преуменьшить истинную ценность этого документа. Я надеюсь все же, что после прочтения работы станет ясно, что писал я ее совершенно искренне и честно.

Я вполне осознаю, что умело организованная критика уже заранее настроила публику против книги. И даже великодушно защищаемая знакомыми и незнакомыми друзьями, «Неизвестная Жизнь Иисуса Христа» подверглась столь злобным нападкам фанатиков, кои по-видимому вообразили, будто я жажду начать теологические распри (в то время, как моей единственной целью было положить еще один кирпичик в здание современной науки), что все это создало вокруг первого издания книги в Англии атмосферу недоверия.

Все было устроено так, чтобы подлинность моих документов считалась сомнительной. Но атаки были направлены главным образом против автора, ставя под сомнение его честность, в беспочвенном уповании на то, что подобные оскорбления могут поколебать его спокойствие и заставить его выказать эмоции, которые восстановили бы всех против самой книги.

Я мог бы с презрением отнестись к обидным обвинениям: оскорбления – это не доводы, даже если они и высказаны в нарочито сдержанной манере, столь свойственной господину Максу Мюллеру в его попытке разбить меня. Но я тем не менее рассмотрю те, что затрагивают мое путешествие в Тибет, Лех, Ладак и буддийский монастырь в Химисе. Для начала я кратко перечислю возражения, выдвинутые относительно способов подтверждения подлинности моих документов. Вот что вызвало сомнения: **отчего лама Химиса отказался утвердительно ответить на вопросы, заданные ему по поводу манускриптов? Оттого, что люди Востока привыкли считать европейцев разбойниками, которые внедряются в их среду, чтобы грабить во имя цивилизации.**

То, что я преуспел и эти повествования были сообщены мне, связано с применением мною восточной дипломатии, которую я постиг за время путешествий. Я знал, как издалека приблизиться к интересующему меня вопросу, в то время как сейчас каждый стремится идти напролом.

Лама сказал себе: «Если об этих манускриптах спрашивают, то лишь затем, чтобы их украсть», – и он естественно хранил молчание и отказался от объяснений. Эту подозрительность легко понять, если проследить деяния тех европейцев, которые в общении с восточными народами лишь угнетали и открыто грабили их с помощью цивилизации.

Некая дама написала в Европу, что «меня там [в Тибете] никто никогда не видел» и никто никогда не слышал моего имени. Затем кучка охранников храма заявила, что моя нога и не ступала в Тибет, – иными словами, что я мошенник.

Моравский миссионер, достойный мистер Шоу, повторил эту маленькую шутку, которую я должен назвать ребячеством; и затем искатели Правды добавили его свидетельство к остальным и возобновили оскорбительные обвинения. Верно и то, что вскоре после этого мистер Шоу официально снял их.

Мне немало труда стоило защитить себя по этому пункту обвинения, но я не должен позволять лжи оставаться безнаказанной и занимать выгодные позиции. Если упомянутая дама и ее друзья так и не встретились мне, то я могу призвать в свидетели лейтенанта Янгхас-бэнда, которого я встретил в Матаяне 28 октября 1887 года и кто первый пересек Китай, а также взошел на перевал Музтаг на высоте 21 500 футов (англ.), и многих других.

У меня еще хранится фотография симпатичного губернатора Ладака, Сурадджбала, с надписью, сделанной им собственноручно, которую я публикую в этой книге.

Во время моей болезни в Ладаке меня даже посетил врач-европеец, находящийся на английской правительственной службе, доктор Карл Маркс, чье письмо от 4 ноября 1887 года вы уже видели. Почему бы не написать прямо к нему, чтобы убедиться, был ли я на самом деле в Тибете или нет, если уж кто-то так горячо стремится доказать обратное? Правда, потребуется некоторое время, чтобы послать письмо и получить ответ из Тибета, однако, письма туда посылают, и ответы оттуда приходят.

Также было заявлено, что оригинал «Неизвестной Жизни Иисуса Христа» никогда не существовал в монастыре Химиса и все это просто порождение моей фантазии. Вот уж, воистину, честь, которой я не заслуживаю, поскольку мое воображение не столь богато.

Если бы я даже был способен выдумать сказку такого масштаба, мне полагалось бы, просто руководствуясь здравым смыслом, возвеличить цену этого открытия, относя мою находку на счет какого-нибудь таинственного или сверхъестественного вмешательства, и следовало бы избегать точного указания места, времени и обстоятельств этого открытия. В любом случае, я вряд ли свел бы свою роль в этом деле к простому воспроизведению старой рукописи.

Меня также считали предметом насмешек хитрых лам, как это случилось с Вильфором и Жаколио, говорили, что, не будучи основательно защищен от неких индийских обманщиков, которые наживаются на доверчивости европейцев, я принял за чистую монету – чуть ли не за золотой слиток – то, что было искусной подделкой.

Именно господин Макс Мюллер особенно настаивал на этом обвинении. Итак, поскольку Макс Мюллер пользуется известностью в научном мире, я считаю себя обязанным – перед самим собой и перед публикой – уделить больше внимания опровержению его аргументов, чем всех моих прочих критиков.

Главным аргументом господина Мюллера, по-видимому, является утверждение, что повествование о «Неизвестной Жизни Иисуса Христа» в том виде, как оно было изложено мною в этой книге, не было обнаружено ни в одном каталоге «Танджур» и «Канджур».

Позволю себе здесь заметить, что если бы оно там находилось, то мое открытие не было бы ни удивительным, ни ценным, так как эти каталоги давным-давно были доступны для исследований европейских ученых, и первый же востоковед при желании мог бы запросто сделать то же, что и я, – поехать в Тибет, запастись путеводителем и извлечь из свитков пергамента фрагменты, обозначенные в каталогах.

Согласно собственному утверждению Макса Мюллера, каталоги содержат перечень примерно двух тысяч томов. Воистину **это весьма неполные каталоги**, один лишь монастырь Лассы хранит более сотни тысяч томов рукописей, и я искренне сочувствую моему оппоненту, если он полагает, что эти крохи снабдят его ключом ко всему долгому периоду существования восточной науки.

Действительно правда, что притчи, перевод которых представлен в этой книге, невозможно

найти в каком бы то ни было каталоге, будь то «Танджур» или «Канджур». Они не имели заглавия и были разбросаны не в одной книге, следовательно, их нельзя найти в каталогах китайских и тибетских работ. Они существуют как напоминания о замечательных событиях, имевших место в первом веке христианской эры, которые с большей или меньшей точностью кратко записаны ламаистскими писцами, – в той мере, в какой им запомнились.

Если бы у меня достало терпения сложить эти притчи воедино, придать им смысловую последовательность и исключить из них то, что привнесено моим переводом, разве сей плод настойчивых трудов вызвал бы вопросы?

И разве предания не доносят до нас, что «Илиада» в том виде, в котором она известна нам уже 2 500 лет, была составлена таким же образом по приказу Писистрата из разрозненных песен о Троянской войне и свято сохранена в памяти греческой традиции?

Господин Мюллер далее упрекал меня в том, что я не упомянул имени кардинала римско-католической церкви, удостоившего меня необычным доверием относительно «Неизвестной Жизни Иисуса Христа», и откровенные высказывания которого могли бы послужить подтверждением моему открытию. Но я взываю к обязательному для всех закону приличий, и каждый должен признать, что было бы недостойно открыть имя этого кардинала в связи с упомянутыми мною обстоятельствами.

Впрочем, к уже сказанному во вступлении относительно того, что для римско-католической церкви «Неизвестная Жизнь Иисуса Христа» не является новшеством, могу добавить следующее: в библиотеке Ватикана хранится шестьдесят три полных или неполных рукописи на различных восточных языках по данной теме, которые были доставлены в Рим миссионерами из Индии, Китая, Египта и Аравии.

Этот вопрос вынуждает меня пояснить раз и навсегда суть моих намерений в связи с передачей западной общественности документа подобной значимости, который, я признаю, всякий вправе свободно критиковать.

Предполагалось ли подорвать авторитет Евангелий или всего Нового Завета? Нет, ни в малейшей степени.

Во французском журнале «La Paix» я ясно сказал, что исповедую русскую православную веру, и продолжаю это утверждать. Ущерб авторитету не мог быть нанесен, если отсутствуют противоречия в доктринах и несоответствия фактов. Но доктрина, содержащаяся в этих тибетских притчах, та же самая, что и в Евангелиях, а факты разнятся лишь по внешней видимости.

В самом деле, следует отметить, что первый, кто записал эти притчи на пали, скрупулезно передал рассказы местных купцов (не евреев, как полагал господин Мюллер) по их возвращении из Палестины, куда они отправились по своим торговым делам и где случайно оказались свидетелями драмы на Голгофе.

И ничего удивительного не было в том, что эти свидетели наблюдали происходящее с точки зрения, отличной от точки зрения римлян, которые должны были, в конечном итоге, полностью принять вероисповедание своей жертвы. Для них [купцов], естественно, было предпочтительнее принять версию, бытующую среди еврейского народа.

Вот уж что следовало бы уточнить, так это насколько беспристрастны были свидетели, и насколько честно и грамотно отразили переписчики суть их рассказов. Но это уже проблема экзегезы* и решать ее надлежит не мне.

Я скорее ограничился бы таким более простым вопросом и хочу посоветовать своим оппонентам сделать то же самое: существовали ли эти фрагменты в монастыре Химиса, и верно ли я отразил их суть? Это – единственное основание, на котором я признаю за кем-либо нравственное право вызвать меня на суд.

Я предлагал вернуться в Тибет с группой известных востоковедов, чтобы на месте проверить подлинность этих писаний. Никто не откликнулся на это предложение. Большинство удовлетворилось дальнейшими нападками на меня, а те, кто попытался найти эти фрагменты, выбрали неверный способ поиска.

Я узнал, однако, что американская экспедиция находится в процессе формирования, не желая какого-либо участия с моей стороны, они собираются предпринять это путешествие, чтобы самостоятельно провести серьезные исследования. Я не боюсь этих изысканий: напротив, я всем сердцем приветствую их. Они покажут, что я, будучи далек от мысли о нововведениях, лишь придал осязаемую форму преданиям, во все времена существовавшим в христианском мире.

Новый Завет совершенно умалчивает о периоде жизни Спасителя с тринадцати и до тридцати лет. Что происходило с ним за это время? Что он делал? Покажите мне отрывок, в котором хотя бы приблизительно утверждалось, что он никогда не был в Тибете или Индии, и я сложу оружие. Но и самый упорный фанатик весьма затруднился бы показать мне подобные строки.

Более того, разве было бы странным, если основоположник христианства вдохновился бы доктринами брахманизма или буддизма с целью преобразить их, очистить от всего наносного и донести до умов Запада? Моисей поступил именно так, а не иначе. Когда он писал «Книгу Бытия» и провозглашал закон справедливости, то ссылаясь на книги и законы, написанные до него. Он не единожды признавался в этом. Все это – азы экзегезы.

Разве вызывает сомнения то, что все религии, даже самые варварские и абсурдные, сохранили фрагменты истины и имеют возможность принять однажды всеобщую Истину, – являя тот факт, что корни их идут от общего источника и что после разделения на множество ответвлений они будут собраны вместе под единым началом? Далекое от того, чтобы отвергнуть без проверки эти проблески истины, христианство спешит принять их, придав им подлинный смысл и применяя их к мистическим нуждам народов.

Не будь это так, стал бы святой Иоанн Евангелист прилагать столько усилий, чтобы взять «Logos» Платона и превращать его в то «Нетленное Воплощенное Слово», несравненное величие которого затмило высочайшие концепции греческого философа?

Не будь это так, стали бы отцы греческой и латинской церкви, святой Иоанн Хризостом и святой Августин (если упомянуть лишь самых известных из них), столь затрудняться, чтобы извлечь из мешанины и пыли мифологии те мудрые истолкования и нравственные заповеди, которые они приняли, воскресив легенды, – если мне позволен будет этот неологизм, – возвращая мифам их истинный сокровенный смысл?

Я оставляю экспертам задачу извлечения истин брахманизма и буддизма, вплетенных в притчи Шакьямуни и Вед.

Возвращаюсь к моей книге. Я стою на том, что, если ей удастся неопровержимо установить согласие между учениями Евангелий и священными писаниями Индии и Тибета, то она окажет выдающуюся услугу всему человечеству.

Ново ли это явление в христианском мире – книга, имеющая целью дополнить Новый Завет и

пролить свет на доселе туманные моменты? Труды, известные как апокрифы, были столь многочисленны в шестнадцатом веке, что католический церковный собор в Тренте был вынужден ограничить их несметное количество с тем, чтобы избежать разногласий, вредящих интересам общественности, и сократить Книгу Откровений до минимума, доступного средним умам.

Разве не объявил церковный собор в Нисине – согласовав это с императором Константином – многие рукописи запретными для верующих, – те рукописи, которые почитались почти с тем же благоговением, какое вызывали четыре канонических Евангелия? Нисинский церковный собор совместно с Трентским также свел до минимума число трансцендентальных истин.

Разве не известно из летописных источников, что Стилихон, главнокомандующий [римского императора] Гонория, приказал публично сжечь «Книги Сивилл» в 401 году? Разве можно усомниться в том, что они были полны нравственных, исторических и пророческих истин высшего порядка? Тогда можно было бы поставить под сомнение и всю римскую историю, наиболее важные моменты которой были определены решениями «Книг Сивилл».

Во времена, о которых мы говорим, были все предпосылки для укрепления или поддержки слабо объединенной или уже шатающейся религии, и духовная и светская власти полагали, что не может быть ничего лучше, как организовать бдительный надзор и строжайшую цензуру над вечными истинами.

Но просвещенные умы столь мало желали массового уничтожения всех документов, не соответствовавших официальным критериям, что сами уберегли определенное количество трудов от забвения. В течение последних трех столетий те издания Библии, которые включали в качестве приложения книгу «Пастырь» святого Ерма, Послания святого Климента, святого Варнавы, Молитву Манассии и две дополнительные Книги Маккавеев, являются, несомненно, редкими.

Четыре Евангелия основали фундамент христианского учения. Но апостолов было двенадцать, святой Варфоломей, святой Фома, святой Матфей заявляли, что проповедовали благую весть народам Индии, Тибета и Китая.

Неужели эти друзья Иисуса, близкие свидетели его проповедей и его мученичества ничего не написали? Или они предоставили другим исключительную обязанность записывать на папирусе возвышенное учение Господа? Но эти другие писали на греческом, а за Евфратом никто не говорил и не понимал по-гречески. Как же они могли проповедовать на греческом языке людям, которые понимали только пали, санскрит или многочисленные диалекты Китая и Индостана?

Известно, что святой Фома слыл самым образованным среди остальных учеников, которые в основном были выходцами из простонародья. Даже не имея мрамора или меди, разве не стремился бы святой Фома записать на нетленных дощечках то, что он видел, и те уроки, которые ему преподавал распятый Господь?

Притчи, переданные мне буддийским ламой в монастыре Химиса, которые я расположил так, чтобы придать им смысловую последовательность и организовать их согласно правилам литературной композиции, могли быть на самом деле рассказаны святым Фомой, могли быть историческими набросками, сделанными его собственной рукой или под его руководством.

И не может ли это воскрешение книг, погребенных под пылью земных эпох, стать отправной точкой для новой науки, которой суждено в изобилии принести непредвиденные и

невообразимые результаты?

Вот те вопросы, которые поднимает моя книга. Критика обрела бы заслуженное уважение, если бы рассмотрела их со всей серьезностью. Тема вполне достойна усилий, затраченных на ее изучение. Она содержит все вопросы, волнующие человечество. Я убежден, что исследования не будут бесплодны. Я нанес первый удар мотыгой и открыл спрятанные сокровища, но у меня имеются все основания полагать, что рудник неисчерпаем.

Теперь уже нет того, что было в те прошедшие столетия, когда некое сословие одно было хранителем всех Истин и выдавало массам их долю неделимого достояния, каждому сообразно его нуждам. Сегодня мир жаждет знания, и всякий имеет право перевернуть страницу в книге науки и узнать правду о Бого-Человеке, который принадлежит нам всем.

Я верю в подлинность буддийского повествования, потому что не вижу с исторической или теологической точки зрения ничего, что противоречило бы ему или делало бы его необоснованным. Пусть его изучат и обсудят. Пусть мне даже докажут, что я не прав. Но это не является оправданием нанесения мне оскорблений. Оскорбления подтверждают лишь одно - несостоятельность их авторов.

Я дал жизнь словам пророка Даниила о том, что придет время, когда «многие прочитают ее [книгу], и умножится ведение»*. Я изучил, нашел, узнал, открыл. Я передаю свои знания и свое открытие тем читателям, которые, как и я сам, жаждут учиться и познавать.

Я передаю их, с вашей помощью, английским читателям с полнейшим доверием и заранее полагаюсь на их суждение в полной уверенности, что оно будет справедливым.

Искренне Ваш, Н. Нотович

Предисловие

По окончании турецкой войны (1877-78 гг.) я совершил ряд путешествий на Восток. Посетив сначала не столь примечательные места на Балканском полуострове, я пустился в путь через Кавказ в Центральную Азию и Персию и в конце концов в 1887 году отправился в Индию, удивительную страну, которая привлекала мое внимание еще с детства.

Целью моего путешествия было познакомиться с народами Индии, изучить их нравы и обычаи и в то же время исследовать благородную и таинственную археологию и величественно грандиозную природу этой чудесной страны.

Странствуя без всякого определенного плана из одного места в другое, я добрался до горного Афганистана, откуда вернулся в Индию по живописным дорогам Волана и Гернаи. Затем я вновь поднялся по Инду до Равалпинди, путешествовал по Пенджабу, стране пяти великих рек, посетил Золотой Храм Амритсары, гробницу царя Пенджаба Ранджита Сингха близ Лахора и направил свои стопы в сторону Кашмира, «долины вечного счастья».

Оттуда я отправился в дальнейшие странствия, и моя любознательность вела меня, пока я не добрался до Ладака, откуда намеревался вернуться в Россию через Каракорум и Китайский Туркестан.

Однажды во время посещения буддийского монастыря я узнал от ламы-настоятеля, что в архивах Лассы хранятся очень древние записи, касающиеся жизни Иисуса Христа и народов Запада, и что некоторые крупные монастыри располагают копиями и переводами этих

писаний.

Поскольку тогда казалось весьма маловероятным, что мне когда-либо вновь доведется посетить эту страну, я решил отложить возвращение в Европу и *сoute que coute** найти эти копии либо в уже упомянутых крупных монастырях, либо поехав в Лассу. Путешествие в Лассу далеко не так опасно и трудно, как мы склонны считать; оно доставило лишь те трудности, с которыми я был хорошо знаком и которые не смогли удержать меня от этого предприятия.

Во время пребывания в Лехе, столице Ладака, я посетил большой монастырь Химис, расположенный в предместьях города, в библиотеке которого, как сообщил мне лама-настоятель, хранились некоторые копии разыскиваемых мною манускриптов. Чтобы не возбуждать подозрения властей относительно целей моего визита в монастырь и избежать всевозможных препятствий моему дальнейшему путешествию по Тибету – ведь я русский, – я объявил о своем намерении вернуться в Индию и сразу же покинул столицу Ладака.

Неудачное падение с лошади, вследствие которого я сломал ногу, дало мне совершенно неожиданный повод вернуться в монастырь, где мне была оказана первая помощь. Я воспользовался своим коротким пребыванием в обществе лам, чтобы получить согласие их главы показать мне рукописи, имеющие отношение к жизни Иисуса Христа. Таким образом, с помощью моего толмача, который переводил с тибетского, я смог скрупулезно записать в блокнот то, что читал мне лама.

Ни на минуту не сомневаясь в подлинности этих летописей, с большим тщанием написанных брахманскими, а большей частью буддийскими историками Непала и Индии, я принял решение опубликовать их перевод по возвращении в Европу. С этим намерением я обратился к нескольким известным богословам, попросив их проверить мои записи и высказать свое мнение о них.

Его Святейшество преподобный Платон, знаменитый митрополит Киевский, высказал мнение, что это открытие имеет огромное значение. Тем не менее, он отговаривал меня от публикации мемуаров на том основании, что их появление может вызвать пагубные для меня последствия. Более полно объяснить, каким образом это может случиться, почтенный прелат отказался. Поскольку наша беседа имела место в России, где цензура наверняка наложила бы вето на подобную работу, я решил ждать.

Год спустя, оказавшись в Риме, я показал свои записи одному кардиналу, который находится *au tieux** с его Святейшеством папой. Он ответил мне дословно следующее: «Что хорошего принесет эта публикация? Никто не придаст этому большого значения, а вы приобретете себе толпы врагов. Однако вы еще очень молоды! Если для вас представляет интерес денежный вопрос, я могу испросить для вас компенсацию за ваши записи, которая возместит понесенные затраты и потерянное время». Естественно, я отказался.

В Париже я говорил о своих планах с кардиналом Ротелли, с которым ранее познакомился в Константинополе. Он также был против публикации моей работы, под мнимым предлогом, что это будет преждевременно. «Церковь, – добавил он, – и так уже очень страдает от новой волны атеистических идей. Вы только предоставите свежую пищу клеветникам, порочащим церковную доктрину. Я говорю вам это, отстаивая интересы всех христианских конфессий».

Затем я отправился к господину Жюлю Симону. Он нашел мое сообщение интересным и порекомендовал мне попросить совета господина Ренана относительно лучшего способа публикации записей.

На следующий день я сидел в кабинете великого философа. Наш разговор закончился так: господин Ренан предложил мне доверить ему обсуждаемые записи с тем, чтобы он сделал доклад о них в Академии.

Можно представить, что это предложение было весьма заманчиво и льстило моему amour propre*. Тем не менее, сославшись на необходимость повторной проверки, я забрал свой труд. Я предвидел, что если соглашусь, то приобрету лишь славу первооткрывателя летописей, в то время как прославленный автор «Vie de Jesus»** заберет себе все почести, комментируя летописи и представляя их широкой публике. Поэтому, полагая, что я сам совершенно готов опубликовать перевод летописи и снабдить его своими комментариями, я отклонил сделанное мне таким образом любезное предложение. Однако, дабы никоим образом не задеть чувствительность великого мастера, которого я глубоко уважал, я намеревался дождаться его кончины, печальное приближение которой, как я предвидел, – судя по его ослабленному состоянию, – не заставило себя ждать.

Когда случилось то, что я предвидел, я поспешил навести порядок в заметках, которые теперь публикую, оставляя за собой право подтверждать подлинность этих хроник и развивая в своих комментариях доводы, которые должны убедить нас в искренности и добросовестности буддийских составителей.

В заключение я предлагаю: прежде чем начинать критику моего сообщения, любое научное общество могло бы в относительно короткий срок снарядить научную экспедицию, имеющую своей целью исследовать эти манускрипты на месте и установить их историческую ценность.

Николай Нотович

P.S. Во время своего путешествия я сделал значительное число весьма любопытных снимков, но, когда по приезде в Бомбей проверил негативы, то обнаружил, что все они были засвечены. Этой неудачей я обязан небрежности своего чернокожего слуги, Филиппа, которому была доверена коробка с фотографическими пластинами. Во время путешествия, сочтя ее тяжелой, он осторожно вытащил содержимое, таким образом, засветив пластины и сведя на нет мой труд.

Посему иллюстрацией моей книги я обязан исключительно великодушной помощи моего друга господина д'Овернье, который, совершив поездку в Гималаи, милостиво предложил мне подбор своих фотографий.

Путешествие в Тибет

Во время своего пребывания в Индии мне часто случалось общаться с буддистами, и рассказанное ими о Тибете до такой степени возбудило мое любопытство, что я решил совершить поездку в эту сравнительно неизвестную страну. С этой целью я выбрал маршрут через Кашмир, место, которое давно намеревался посетить.

14 октября 1887 года я сел в поезд, наполненный солдатами, и отправился из Лахора в Равалпинди, куда и прибыл на следующий день около полудня. Немного отдохнув и изучив город, который из-за нескончаемых гарнизонов имел вид военного лагеря, я закупил вещи, которые казались необходимыми в походе по местности, где отсутствует железнодорожное сообщение.

В сопровождении моего слуги «Филиппа», негра из Пондишери, которого я взял на службу по

горячей рекомендации французского консула в Бомбее, собрав свои вещи, наняв тонгу (двухколесный тарантас, запряженный пони) и, расположившись на заднем сиденье, пустился по живописной дороге, которая ведет в Кашмир.

Наша тонга довольно быстро двигалась вперед, хотя однажды нам пришлось с известным проворством пробираться через большую колонну солдат, которые, вместе с верблюдами, навьюченными поклажей, были частью отряда, возвращавшегося из лагерей в город. Скоро мы пересекли долину Пенджаба и, взобравшись по тропе, где дули никогда не стихающие ветры, вошли в лабиринты Гималаев.

Здесь началось наше восхождение, и великолепная панорама местности, которую мы только что пересекли, откатывалась назад и исчезала под нашими ногами. Солнце осветило последними лучами горные вершины, когда наша тонга весело покинула изломы, пройденные нами по гребню лесистой вершины, у подножия которой уютно расположился Мюрри – санаторий, заполненный летом семьями английских служащих, приезжавших сюда в поисках тени и прохлады.

Обычно всегда можно нанять тонгу от Мюрри до Шринагара, но по приближении зимы, когда все европейцы покидают Кашмир, перевозки временно прекращаются. Я намеренно предпринял свое путешествие в конце сезона, к большому изумлению англичан, которых встретил по дороге, ведущей в Индию, и которые тщетно пытались угадать причину подобных действий.

Дорога во время моего отъезда все еще строилась, я нанял – не без трудностей – подседельных лошадей, и вечер спустился в тот момент, когда мы начали спуск от Мюрри, который расположен на высоте 5 000 футов.

Наше путешествие по темной дороге, изборожденной промоинами от недавних дождей, было не особенно веселым, наши лошади скорее чувствовали, чем видели дорогу. Когда наступила ночь, на нас неожиданно обрушился проливной дождь, а из-за огромных дубов, росших вдоль дороги, мы окунулись в такую непроглядную темноту, что, опасаясь потерять друг друга, были вынуждены то и дело кричать. В этой абсолютной тьме мы угадывали тяжелые скалы, нависавшие почти над нашими головами, в то время как слева, невидимый за деревьями, ревел поток, воды которого должно быть струились каскадом.

Ледяной дождь пробрал нас до костей, и мы почти два часа брели пешком по грязи, когда слабый свет вдалеке возродил наши силы.

Огни в горах, однако, ненадежный маяк. Кажется, что они горят совсем близко, когда в действительности находятся очень далеко, и исчезают, чтобы вновь засиять, когда дорога поворачивает и петляет, – то влево, то вправо, вверх, вниз, – будто получая удовольствие от того, что обманывают усталого путника, который из-за темноты не видит, что его желанная цель в действительности неподвижна, а расстояние до нее каждую секунду сокращается.

Я уже оставил все надежды когда-либо добраться до света, который мы заметили, когда он неожиданно вновь возник, и на этот раз так близко, что наши лошади остановились по своей собственной воле.

Здесь я должен искренне поблагодарить англичан за предусмотрительность, с которой они построили на всех дорогах маленькие бунгало – одноэтажные гостиницы, предназначенные для заплутавших путников. Правда, не следует ожидать большого комфорта в этих полуотелях, но это вопрос маловажный для усталого путешественника, который более чем благодарен,

получая в свое распоряжение сухую, чистую комнату.

Несомненно, что индусы, обслуживавшие бунгало, на которое мы набрели, не ожидали увидеть посетителей в столь поздний ночной час и в такое время года, так как они покинули это место и унесли с собой ключи, вынуждая нас выбить дверь. Оказавшись внутри, я растянулся на постели, наскоро приготовленной моим негром, – став счастливым обладателем подушки и наполовину пропитанного водой коврика, – и почти мгновенно заснул.

С первым проблеском дня, после чая и небольшой порции консервированного мяса, мы продолжили наше путешествие, купаясь в палящих лучах солнца. Время от времени мы проезжали деревни, сначала в прекрасных ущельях, затем вдоль дороги, пролежавшей через самое сердце гор. В конце концов мы спустились к реке Джхелум, воды которой быстро несутся среди скал, направляющих их течение, и между двумя ущельями, чьи края, кажется, касаются лазурных сводов гималайского неба, являющего собою пример замечательной безоблачности и чистоты.

К полудню мы добрались до деревушки Тонге, расположенной на берегу реки. Она представляла собою ряд необычных хижин, похожих на открытые с передней стороны ящики. Здесь продаются всевозможные вещи и съестное. Это место полно индусов, носящих на лбу разноцветные знаки своих каст. Можно увидеть и красивых кашмирцев, которые носят длинные белые рубахи и безупречно белые тюрбаны.

Здесь я за высокую плату нанял индийский тарантас у одного кашмирца. Этот транспорт сконструирован таким образом, что, когда садишься в него, приходится скрестить ноги a la Turque*; сиденье так мало, что лишь двоим возможно втиснуться на него. Несмотря на то, что отсутствие спинки делает это средство передвижения до некоторой степени опасным, я все же предпочел лошади это подобие круглого стола, поднятого на колеса, исходя из того, что мне надлежит как можно скорее приблизить это путешествие к концу.

Я не проехал и полкилометра, когда начал серьезно сожалеть о животном, от которого отказался, настолько я устал от неудобной позы и от трудностей, испытываемых при сохранении равновесия.

К несчастью, было уже поздно, наступил вечер, и когда мы добрались до деревни Хори, мои ноги ужасно затекли. Я был изнурен от усталости, избит невыносимой тряской и совершенно неспособен наслаждаться живописными видами, развернувшимися перед моими глазами вдоль Джхелума, по берегам которого с одной стороны возвышались отвесные скалы, а с другой – лесистые холмы.

В Хори я повстречал караван паломников, возвращавшихся из Мекки. Думая, что я доктор, и услышав, что я спешу добраться до Ладака, они уговаривали меня присоединиться к их группе, что я и пообещал сделать по прибытии в Шринагар, куда я направился верхом на следующий день на заре.

Я провел ночь в бунгало, сидя на кровати с лампой в руке, не решаясь закрыть глаза из боязни нападения скорпиона или многоножки. Дом попросту кишел ими, и хотя мне было стыдно того отвращения, что они пробудили во мне, я все же не мог преодолеть это чувство. Где же все-таки можно провести границу между смелостью и трусостью в человеке? Я бы никогда не похвастался особой отвагой, как и не считаю, что мне недостает храбрости; и все же неприязнь, которую внушили мне эти мерзкие маленькие твари, прогнала сон с моих глаз, несмотря на крайнюю мою усталость.

На рассвете наши лошади уже скакали легкой рысью вдоль ровной долины, окруженной высокими холмами, и под горячими лучами солнца я почти уснул в седле. Внезапное ощущение свежести разбудило меня, я обнаружил, что мы начали подниматься по горной дороге, идущей через огромный лес, который временами расступался, позволяя нам восхищаться чудесным течением стремительного потока, а затем скрывал от нашего взора горы, небо и весь ландшафт, оставляя нам en revanche* песни множества птиц с пятнистым оперением.

К полудню мы выбрались из леса, спустились к небольшой деревушке на берегу реки, где пообедали перед тем, как продолжить путешествие. Здесь я посетил базар и попытался купить стакан теплого молока у индуса, сидящего на корточках перед большим ведром с кипящим напитком. Можно было представить себе мое удивление, когда этот субъект предложил, чтобы я унес ведро со всем содержимым, утверждая, что я заразил его.

«Я хочу лишь стакан молока, а не целое ведро», – запротестовал я. Но индус продолжал упорствовать.

«Согласно нашим законам, – настаивал он, – если кто-либо, не принадлежащий нашей касте, посмотрит пристально и сколько-нибудь долго на какую-то принадлежащую нам вещь или еду, то наша обязанность – вымыть эту вещь и выбросить еду на улицу. Ты, о сахиб, осквернил мое молоко. Никто теперь не станет пить его, потому что ты не только пристально посмотрел на него, но еще и указал на него своим пальцем».

Это было совершенно правильно. Сначала я внимательно проверил молоко, чтобы узнать, свежее ли оно, и более того, я указал пальцем на ведро, пожелав, чтобы тот человек наполнил мой стакан. Полный уважения к чужим законам и обычаям, я без сожаления заплатил испрошенные рупии – цену всего молока, которое торговец вылил в сточную канаву, – хотя я получил лишь один стакан. Из этого происшествия я извлек урок – никогда впредь не останавливать взгляд на индийской еде. Нет ни одной религии, более опутанной обрядами, законами и толкованиями, чем брахманизм. В то время как каждая из трех мировых религий имеет всего одну Библию, один Завет, один Коран – книги, из которых иудеи, христиане и магометане черпают свои убеждения, – брахманистский индуизм имеет столь огромное количество фолиантов с комментариями, что самый ученый брамин вряд ли имел время изучить более чем десятую их часть.

Отложим четыре книги Вед; Пураны, написанные на санскрите и содержащие 400 000 строф по теогонии, праву, медицине, а также о творении, разрушении и возрождении мира; пространные Шастры, в которых излагается математика, грамматика и т.д.; Упо-веды, Упанишады и Упо-пураны, служащие указателями к Пуранам; и масса прочих многотомных комментариев, где также находятся двенадцать исчерпывающих книг по законам Ману, внука Брахмы, – книг, касающихся не только гражданских и уголовных законов, но и церковных правил, которые предписывают своим адептам столь поразительное число церемоний, что всякий удивится неизменному терпению индусов в соблюдении указаний, данных этим святым.

Ману, бесспорно, был великим законодателем и великим мыслителем, хотя и писал столь много, что временами, случается, противоречит сам себе на одной и той же странице. Брамины не дают себе труда, чтобы обращать на это внимание; и бедные индусы, чьим трудом в сущности живет их каста, услужливо подчиняются им, принимают на веру их наказания никогда не касаться человека, принадлежащего к другой касте, и никогда не позволять чужакам обращать внимание на их вещи.

Придерживаясь точного смысла этого закона, индус воображает, что его товары осквернены,

если со стороны иноземца было проявлено какое-либо определенное внимание. И все же брахманизм был, даже в начале своего второго рождения, религией абсолютно монотеистической, признающей одного вечного и неделимого Бога.

Как это всегда случалось во всех религиях, священнослужители пользовались своим исключительным положением, возвышающим их над невежественной толпой, чтобы спешно изобрести разные законы и чисто внешние формы обрядов, полагая, что таким образом им удастся оказывать большее воздействие на массы; результатом явилось то, что принцип монотеизма, так ясно излагаемый Ведами, выродился в бесконечные династии бессмысленных богов, богинь, полубогов, гениев, ангелов и демонов, представленных идолами, разными по форме и, без исключения, ужасными.

Народ, некогда великий, как раз когда их религия была чистой и развивающейся, теперь выродился до состояния, граничащего с идиотизмом, в рабов исполнения обрядов, которые вряд ли дня хватит перечислить.

Можно определенно утверждать, что индусы существуют только для поддержания основной секты браминов, которые взяли в свои руки светскую власть, прежде принадлежавшую независимым избранникам народа. В правительстве Индии англичане не вмешиваются в эту часть жизни общества, и брамины пользуются этим, поощряя в народе надежду на иное будущее.

Но вернемся к нашему путешествию. Солнце утонуло за вершиной горы, и ночные тени сразу окутали местность, через которую мы проезжали. Вскоре узкая долина, через которую протекает Джхелум, казалось, заснула, и в то же время наша тропа, вьющаяся вдоль узкого карниза заостренных скал, постепенно стала скрываться от наших взглядов. Горы и деревья слились в единую темную массу, и лишь звезды ярко светили над головой.

В конце концов, мы были вынуждены спешиться и идти на ощупь вдоль скал из страха погибнуть в пропасти, что разверзлась у наших ног. Глубокой ночью мы прошли через мост и взобрались на скалистый склон, который ведет в бунгало Ури, в полном одиночестве стоящее на его вершине.

На следующий день мы шли по чарующей местности, по берегу реки, на излучине которой увидели руины сикхской крепости, одиноко стоявшей как будто в печальном размышлении о своем славном прошлом. В небольшой долине, скрытой среди гор, мы набрали на еще одно гостеприимное бунгало, в непосредственной близости от которого расположился лагерь кавалерийского полка махараджи Кашмира.

Узнав о том, что я русский, офицеры пригласили меня отобедать вместе с ними, и я имел возможность познакомиться с полковником Брауном, который был первым составителем словаря на языке пушту.

Желая возможно скорее добраться до Шринагара, я продолжил свое путешествие по живописной местности, которая, значительное время следуя за руслом реки, протянулась у подножия гор. Нашим глазам, уставшим от однообразия предыдущего ландшафта, теперь предстала густонаселенная долина, открывавшаяся двухэтажными домами в окружении садов и возделанных полей. Немного далее начинается знаменитая Кашмирская долина, расположенная за цепью высоких холмов, которые я пересек к вечеру.

К тому времени как я достиг вершины последней возвышенности на границе горной страны, которую я только что пересек, поднимаясь из долины, моему взору открылась великолепная

панорама. Картина была воистину чарующей. Кашмирская долина, пределы которой терялись за горизонтом, сплошь заселенная людьми, уютно устроилась среди Гималайских гор. На восходе и закате полоса вечных снегов становится похожей на серебряное кольцо, опоясывающее эту богатую и прекрасную равнину, во всех направлениях исчерченную дорогами и речушками.

Сады, холмы, озеро, чьи многочисленные островки покрыты причудливыми постройками, – все словно переносит путешественника в другой мир. Ему кажется, что он достиг пределов волшебного мира, и он верит, что, наконец, находится в раю своих детских мечтаний.

Медленно опускались тени ночи, – смешав горы, сады, водоемы в темную массу, пронизанную лишь отдаленными, как звезды, огнями, – когда я сошел в долину, направляя свои стопы в сторону Джхелума, который здесь проложил себе путь сквозь узкую расщелину посреди гор, чтобы слить свои воды с водами Инда. Согласно легенде, долина прежде была внутренним морем, которое осушил открывшийся меж двух скал проход, оставив лишь озеро, несколько прудов и Джхелум с берегами, усеянными множеством длинных узких суденышек, в которых круглый год обитают семьи их владельцев.

Отсюда можно добраться до Шринагара на лошади за один день, в то же время путешествие на лодке занимает полтора дня. Я остановился на втором средстве передвижения, и, выбрав каноэ и заключив сделку с его владельцем, удобно устроился на коврике на носу, защищенном неким подобием навеса.

Лодка отчалила от берега в полночь, быстро неся нас к Шринагару. На другом конце судна индус готовил мне чай, и вскоре я заснул, вполне удовлетворенный мыслью, что мое путешествие быстро продвигается.

Я был разбужен теплой лаской солнечных лучей, проникавших ко мне сквозь тент, мое первое впечатление от окружающей картины было неопишимо приятным. Берега реки были зелены, отдаленные горные вершины покрыты снегом, деревни живописны, а гладь воды прозрачна.

Я с жадностью вдыхал воздух, который был странно разреженным и ароматным, и при этом постоянно слушал трели несметного количества птиц, паривших в безоблачной ясной глубине неба. Позади меня плескалась вода, рассекаемая шестом, которым с легкостью управляла прекрасная женщина с обворожительными глазами, темной от солнца кожей и выражением лица, полным застывшего безразличия.

Мечтательное очарование картины имело на меня гипнотическое воздействие. Я забыл, почему плыву по реке, и в тот момент, находясь на вершине блаженства, даже не желал достичь конца своего путешествия. И все же как много лишений предстояло мне претерпеть и сколько опасностей встретить!

Лодка быстро скользила, пейзаж, недавно открывшийся моим глазам, терялся за линией горизонта, сливаясь и становясь частью гор, мимо которых мы плыли. Затем разворачивалась свежая панорама, казалось, сбегавшая со склонов гор, которые с каждым мигмом увеличивались в размерах. Сгустились сумерки, а я все не уставал любоваться этой великолепной природой, виды которой разбудили во мне счастливейшие воспоминания.

Когда приближаешься к Шринагару, укрывшиеся в зелени деревни становятся все более многочисленными. При появлении нашей лодки несколько жителей пришли посмотреть на нас, – мужчины и женщины, одинаково одетые в длинные одежды, касающиеся земли, первые в тюрбанах, последние в покрывалах, с совершенно нагими детьми.

На въезде в город видны ряды лодок и плавучих домов, в которых обитают целые семьи. Последние лучи заходящего солнца ласкали вершины далеких снежных гор, когда мы скользили между двумя рядами деревянных домов, окаймляющих берега реки в Шринагаре.

Деловая жизнь, похоже, замирает здесь на закате. Тысячи разноцветных лодок (дунга) и крытых барок (бангла) были причалены вдоль берегов, где местные жители обоих полов, в примитивнейших костюмах Адама и Евы, были заняты совершением вечерних омовений, – священным обрядом, который, на их взгляд, выше всяких человеческих предрассудков.

20-го октября я проснулся в чистой комнатке с великолепным видом на реку, которая переливалась в лучах кашмирского солнца. Так как в мои намерения не входит описание мелких деталей путешествия, я не буду пытаться перечислить чудеса этого прекрасного места со всеми его озерами, чарующими островами, историческими дворцами, таинственными пагодами и кокетливыми деревушками: последние наполовину скрыты густыми садами; а со всех сторон вздымаются величественные вершины гигантских Гималаев, покрытых везде, насколько хватает глаз, белым покрывалом вечных снегов. Я только опишу приготовления, сделанные мной для дальнейшего путешествия по Тибету.

Я провел целых шесть дней в Шринагаре, совершая долгие экскурсии по его очаровательным окрестностям, исследуя многочисленные развалины, свидетельствующие о былом процветании этой местности, и изучая любопытные обычаи страны.

Кашмир, как и прочие прилежащие к нему провинции, такие, как Балтистан, Ладак и другие, являются английскими колониями. Прежде они составляли часть владений «Льва Пенджаба», Ранджита Сингха. После его смерти английские войска оккупировали Лахор, столицу Пенджаба, отделили Кашмир от остальной части империи и передали его под видом права наследования и за сумму в 160 миллионов франков Гхулабу Сингху, одному из близких друзей умершего правителя, присвоив ему, более того, титул махараджи. Во время моего путешествия царствующим махараджей был Пертаб Сингх, внук Гхулаба, чья резиденция находится в Джамму на южном склоне Гималаев.

Прославленная кашмирская Долина Счастья – восемьдесят пять миль в длину и двадцать пять в ширину – была на вершине своей славы и процветания при Великом Моголе, чей двор любил вкушать здесь – во дворцах на островах озера – прелести сельской жизни. Большинство махараджей Индостана приезжали сюда скоротать летние месяцы, а также принять участие в грандиозных празднествах, которые устраивал Великий Могол.

Время изменило облик «Счастливой Долины». Она уже больше не счастливая: водоросли покрывают прозрачную поверхность озера, дикий можжевельник буйно разросся по островам, вытеснив все другие растения, а дворцы и павильоны – теперь лишь заросшие травой руины, призраки былого величия.

Горы вокруг будто охвачены всеобщим унынием и все же таят надежду, что лучшие времена могут еще наступить для их бессмертной красоты. Местные жители, некогда прекрасные, умные и просвещенные, выродились до полу-идиотического состояния. Они ленивы и грязны, и правит ими ныне хлыст, а не меч.

Народ Кашмира имел столько господ и так часто подвергался грабежам и всевозможным набегам, что со временем стал безразличен ко всему. Люди проводят дни возле своих мангалов,* сплетничая с соседями или занимаясь либо кропотливым изготовлением своих знаменитых шалей, либо филигранными работами по золоту и серебру.

Кашмирские женщины меланхоличны, их черты отмечены невыразимой печалью. Нищета и грязь царят повсюду, красивые мужчины и прекрасные женщины ходят грязными и в лохмотьях. Одежания обоих полов зимой и летом состоят из длинных цельнокроеных рубах, сшитых из грубой ткани. Такую рубашку не меняют, пока она полностью не износится, и никогда ни в коем случае не стирают, так что снежно-белые тюрбаны мужчин выглядят ослепительно в сравнении с этими запачканными, покрытыми жирными пятнами, одежаниями.

Великая печаль переполняет путешественника от контраста, существующего между богатством и пышностью окружающей природы и бедственным состоянием народа, облаченного в лохмотья.

Столица государства, Шринагар (Город Солнца), или, называя ее именем, которое она носит в честь страны, – Кашмир, расположена на берегах Джхелума, вдоль которых она простирается на юг на пять километров. Ее двухэтажные дома, где проживает 132 тысячи человек, построены из дерева и окаймляют оба берега Инда. Город не более двух километров в ширину, и все население живет на реке, чьи берега соединяются десятью мостами.

Протоптаные тропинки спускаются от домов к кромке воды, где целыми днями совершаются омовения, принимаются ванны и моется домашняя посуда, состоящая обычно из двух-трех медных кувшинов. Часть населения исповедует магометанство, две трети являются последователями брахманизма, и лишь нескольких буддистов можно встретить среди них.

Вскоре подошло время приготовиться к моему следующему рискованному походу в неизвестность. Я уложил запас консервированных продуктов, несколько мехов вина и другие вещи, необходимые для путешествия через такую малонаселенную страну как Тибет. Вещи были упакованы в коробки, я нанял десять носильщиков и проводника, купил для себя лошадь и назначил день отъезда на 27 октября.

Чтобы оживить свое путешествие, я взял с собой, благодаря доброте господина Пейшо – француза-земледельца с виноградников махараджи, великолепную собаку, которая прежде путешествовала по Памиру с моими друзьями Бонвало, Капюсом и Пепином – известными исследователями.

Выбрав маршрут, который сократил бы мою поездку на два дня, я на заре послал моих кули вперед на другую сторону озера, которое сам переплыл на лодке, присоединившись к ним позднее у подножья горной цепи, отделяющей долину Шринагара от Синда.

Никогда не забуду мучения, которые мы претерпели, взбираясь почти на четвереньках на вершину высотой в 3 000 футов. Кули задыхались, и я боялся в любую минуту увидеть одного из них скатывающимся с обрыва со своей ношей. Мое сердце щемило от зрелища, которое представлял собой мой бедный пес Памир, когда он, с высунутым языком, в конце концов издал тихий стон и измученный упал на землю. Я забыл о собственной крайней усталости, глядя и ободряя бедное животное, которое, будто понимая меня, с трудом поднималось на лапы лишь затем, чтобы через несколько шагов снова упасть.

Спустилась ночь, когда, достигнув вершины горы, мы жадно набросились на снег в надежде утолить жажду. После короткого привала мы начали спуск через очень густой сосновый лес, спеша добраться до деревни Хайена у подножия ущелья, прежде чем появятся хищные звери.

Ровная, сохраняемая в прекрасном состоянии дорога ведет из Шринагара в Хайену прямо на север мимо Гандербала, где, обогнув Синд и пройдя через исключительно плодородную местность, простирающуюся до Кангра, она круто поворачивает на восток. Шестью милями

далее она подходит к деревне Хайена, куда я направил свой путь более коротким маршрутом через уже упомянутый перевал, что существенно сократило расстояние и время.

Мой первый шаг к неизвестному был отмечен случаем, заставившим нас пройти *mauvais quart d`heure** Ущелье Синда, длиной в шестьдесят миль, помимо прочего знаменито своими негостеприимными обитателями, среди которых есть пантеры, тигры, леопарды, черные медведи, волки и шакалы. Как будто для того, чтобы спутать наши планы, снег только что укрыл своим белым ковром высоты горной гряды, тем самым вынуждая этих грозных хищных обитателей спуститься немного ниже - искать укрытия в своих логовах.

Мы молча шли в темноте по узкой тропе, вьющейся между старыми пихтами и березами, лишь звук наших шагов нарушал ночную тишину. Внезапно, в непосредственной близости от нас, ужасный вой разорвал молчание леса. Наш маленький отряд резко остановился. «Пантера!» - прошептал мой слуга голосом, дрожащим от страха, другие кули застыли в неподвижности, будто прикованные к месту.

В этот момент я вспомнил, что во время подъема, почувствовав себя совсем изможденным, я доверил свой револьвер одному носильщику, а винчестер - другому. Теперь я почувствовал острое сожаление, что расстался с тем и другим, и тихо спросил, где же человек, которому я отдал ружье.

Вой становился все более яростным, пробуждая эхо в безмолвном лесу, когда внезапно мы услышали глухой стук, как при падении тела. Почти одновременно мы были напуганы шумом борьбы и предсмертным криком человека, смешавшимся с отвратительным завыванием какого-то голодного животного.

«Сахиб, возьми ружье!» - раздалось рядом со мной. Я лихорадочно схватил ружье, но толку от него было мало, так как в двух шагах нельзя было ничего увидеть. Новый крик, сопровождавшийся глухим рычанием, дал мне некоторое представление о месте схватки, и я на ощупь двинулся вперед, колеблясь между желанием «убить пантеру» и спасти, если возможно, жизнь ее жертве, чей голос мы слышали, и страхом в свою очередь быть растерзанным.

Всех моих спутников парализовал страх, и лишь через пять долгих минут мне удалось - памятуя о нелюбви диких животных к огню - заставить одного из них чиркнуть спичкой и поджечь валежник. И тогда мы увидели в десяти шагах от нас одного из кули, распростертого на земле, члены его тела были буквально разодраны на куски клыками великолепной пантеры, которая, замерев на месте, все еще держала в зубах кусок плоти. Рядом с ней был брошен разорванный мех, из которого вытекало вино.

Едва я поднял ружье к плечу, как пантера зарычала и, повернувшись к нам, выпустила из пасти свой ужасный обед. Одно мгновение казалось, что она готова прыгнуть на меня, как вдруг она повернулась и, издав рычание, от которого кровь стыла в жилах, метнулась в середину чащи и исчезла из вида.

Мои кули, которые в страхе все это время валялись на земле, теперь кое-как оправались от испуга. Держа наготове вязанки хвороста и спички, мы поспешили дальше в надежде добраться до Хайены, бросив останки несчастного индуса из страха разделить его судьбу.

Часом позже мы вышли из леса на равнину. Там была поставлена моя палатка под густым платаном, одновременно я распорядился разжечь большой костер, - единственное средство удержать на расстоянии диких зверей, чей ужасный вой доносился со всех сторон. Моя собака,

поджав хвост, в лесу все время жалась ко мне, но оказавшись в палатке, вдруг вновь обрела свою доблесть и ночь напролет лаяла без перерыва, не осмеливаясь, впрочем, высунуть нос наружу.

Ночь для меня была ужасной. Я провел ее с ружьем в руках, слушая концерт наводящих страх завываний, похоронные отзвуки которых наполняли ущелье. Несколько пантер, привлеченных лаем Памира, приближались к нашему бивуаку, но огонь не подпускал их и они не пытались напасть на нас.

Я покинул Шринагар во главе одиннадцати кули, четверо из которых были нагружены ящиками с вином и провиантом, еще четверо несли мои личные вещи, один – огнестрельное оружие, другой – всевозможную утварь, в то время как обязанностью последнего была работа разведчика. Этот субъект носил титул «чикари», что означает «тот, кто сопровождает охотника, чтобы выбирать маршрут».

Я разжаловал его после той ночи в ущелье за его крайнюю трусость и абсолютное незнание местности и в то же время дал отставку шести другим кули, оставив с собой лишь четырех, а тех по прибытию в деревню Гунд заменив на лошадей. Позднее я взял на службу другого чикари, который выполнял роль переводчика и получил хорошие рекомендации от господина Пейшо.

Как прекрасна природа в ущелье Синда и по справедливости любима всеми охотниками! Помимо хищных животных можно встретить оленей, ланей, диких баранов, великое разнообразие птиц, среди которых можно особо отметить золотых, красных и белоснежных фазанов, крупных куропаток и громадных орлов.

Деревни, расположенные по всему Синду, неприметны из-за своих размеров. Обычно они насчитывают от десяти до двадцати хижин жалкого вида, их обитатели ходят в лохмотьях и рубище. Скот там очень низкорослой породы.

Перейдя реку близ Сумбала, я остановился у деревни Гунд, чтобы раздобыть лошадей. Когда бы ни случалось, что мне отказывали в этих полезных четвероногих, я всегда принимался поигрывать хлыстом, в результате чего неизменно встречал покорность и уважение, а довершали дело небольшие суммы денег, обеспечивая исключительную услужливость и немедленное выполнение моих малейших распоряжений.

Палка и рупия – истинные властелины Востока. Сам Великий Могол без них ничего бы не значил.

Вскоре наступила ночь, и я торопился пересечь ущелье, которое разделяет деревни Гоганган и Сонамарг. Дорога была в очень плохом состоянии и кишела дикими тварями, которые по ночам выходят в поисках добычи и пробираются даже в деревни. Пантер множество, и из-за боязни подвергнуться их нападению очень немногие осмеливаются поселиться в этой местности, несмотря на ее красоту и плодородие.

На выходе из ущелья, около деревни Чокодар, или Тхадживас, я разглядел в полумраке две темные фигуры, переходящие дорогу. Оказалось, что это пара медведей, за которыми следовал детеныш.

Поскольку со мною был лишь мой слуга (мы вышли вперед каравана), я не очень-то торопился схватиться с ними, имея только одно ружье. Однако мой охотничий инстинкт за долгое время, проведенное в горах, настолько усилился, что я не мог побороть соблазн сразиться с ними. Спрыгнуть с лошади, прицелиться, выстрелить, и, даже не проверив результата, быстро

перезарядить ружье было делом одной секунды.

В этот момент один из двух медведей был готов прыгнуть на меня, но второй выстрел заставил его показать хвост и броситься наутек. Перезарядив ружье и держа его в руке, я затем осторожно приблизился к тому месту, куда стрелял, и нашел там медведя, лежащего на боку и детеныша, прыгающего позади. Следующий выстрел уложил и его, после чего мой слуга поспешил снять с них шкуры с роскошной, черной, как гагат, шерстью.

Это происшествие отняло у нас два часа, и ночь совсем сгустилась к тому времени, как я разбил палатку возле Чокодара, который на рассвете покинул, чтобы добраться до Балтала, следуя вдоль течения реки Синд. В этом месте изысканный ландшафт «золотой прерии» внезапно заканчивается деревней, которая носит такое же название (Сона - «золото» и марг - «прерия»). Далее следует возвышенность Зоджи Ла,* крутой подъем в 11 500 футов, за которым вся страна принимает суровый и негостеприимный вид.

До Балтала больше не было охотничьих приключений, с того времени мне встречались лишь дикие козлы. Если бы я вознамерился провести экспедицию, мне пришлось бы покинуть большую дорогу и пробраться в самое сердце гор. У меня не было ни времени, ни желания делать это, и я спокойно продолжил свой путь к Ладаку.

Разительные перемены происходят при переходе от улыбчивой природы и красивых жителей Кашмира к безводным мрачным скалам и безбородым уродливым обитателям Ладака. Страна, в которую я только что углубился, находилась на высоте от 11 000 до 12 000 футов; только у Каргиля уровень опускается до 8 000 футов.

Подъем Зоджи Ла очень трудный, приходится карабкаться по почти отвесной стене. В некоторых местах тропа вьется над расщелинами в скале не более метра в ширину, но голова начинает кружиться при виде бездонной пропасти под ногами. В таких местах да уберегут небеса путника от неверного шага!

Вот одно место, где мост сооружен из длинных бревен, вставленных в отверстия в скале и присыпанных слоем земли. Брр!.. При мысли о том, что камень, скатившийся по склону горы или слишком сильное колебание бревен могут низвергнуть землю в пропасть - а вместе с землей и несчастного путешественника, рискующего своей жизнью, - сердце не единожды замирало во время этого опасного путешествия.

Тревоги остались позади, мы вошли в долину, где приготовились провести ночь возле почтовой хижины, в месте, которое из-за непосредственной близости льдов и снегов не отличается особой привлекательностью.

За пределами Балтала расстояние определяется даками - то есть станциями почтовой службы. Это низкие хижины, расположенные на расстоянии семи километров друг от друга, в каждой из которых оставлен сторож для постоянного надзора.

Почтовая служба между Кашмиром и Тибетом до сих пор работает на очень примитивном уровне. Письма кладутся в кожаные сумки и вручаются почтальону. Этот человек, который несет на спине корзину с несколькими одинаковыми сумками, быстро покрывает семь предназначенных ему километров. В конце пути он передает свою ношу другому почтальону, который в свою очередь выполняет таким же образом свою задачу. Так письма доставляются раз в неделю из Кашмира в Тибет и обратно, и ни дожди, ни снега не препятствуют их передвижению.

За каждый переход почтальону платят шесть анн (десять пенсов), сумму, которую обычно

платят за переноску грузов. Мои кули просили такую же плату за переноску грузов по меньшей мере в десять раз более тяжелых. Сердце щемит при виде этих бледных, изможденных работяг. Но что поделаешь? Это обычаи страны. Чай прибывает из Китая подобным же образом, эта система транспортировки и быстра, и экономична.

Возле деревни Матаян я вновь наткнулся на караван яркендцев, к которому обещал присоединиться. Они узнали меня издали и сразу же попросили осмотреть больного из их группы. Я увидел беднягу, метавшегося в агонии от сильнейшей лихорадки. Воздев руки в знак отчаяния, я указал на небеса, таким образом пытаюсь дать им понять, что состояние их товарища уже вне пределов человеческой помощи или компетенции науки и что лишь один Бог может спасти его.

Поскольку эти люди двигались медленно из-за частых остановок, я был вынужден покинуть их, чтобы прибыть тем же вечером в Драс, который расположен в конце долины, у реки, носящей то же название. Возле Драса стоит небольшая крепость очень древней постройки – свежепобеленная – под охраной трех сикхов из армии махараджи.

Здесь моим приютом стала почта, которая была единственной станцией единственной же телеграфной линии, связывающей Шринагар с внутренней частью Гималаев. С этого времени я больше не ставил палатку по вечерам, а был вынужден искать укрытия в караван-сараях, которые, хотя и ужасно грязные, все же хорошо согревались внутри огромными бревнами горящего дерева.

От Драса до Каргила местность скучна и однообразна для тех, кто ожидает волшебных восходов и закатов и прекрасных эффектов лунного света. Совсем наоборот, дорога монотонна, бесконечна и полна опасностей.

Каргил – главный город района и резиденция губернатора страны. Его виды весьма живописны. Два водных потока, Суру и Вакка, шумно бурлят меж скал и камней, вытекая из разных ущелий, чтобы слиться в реку Суру, на берегах которой поднимаются глинобитные постройки Каргила.

На рассвете, раздобыв свежих лошадей, я продолжил свой путь, направляясь в Ладак, или Малый Тибет. Здесь я перешел шаткий мост, сооруженный, как и мосты в Кашмире, из двух длинных бревен, закрепленных на противоположных берегах, сплошь покрытых слоем хвороста и палок и создающих иллюзию подвесного моста.

Вскоре после этого я не спеша взбирался на небольшое плато, которое протянулось на расстояние длиной в два километра, а затем спускалось в узкую долину Вакки, усеянную дереушками, из которых Пашкьюм, на левом берегу, самая живописная.

Вскоре мои ноги ступили на землю буддистов. Ее обитатели просты и добродушны; они, кажется, не имеют представления о том, что мы, европейцы, называем ссорами. Женщины там в какой-то степени редкость. Те, которых я встречал, отличались от женщин, что я прежде видел в Индии и Кашмире, веселостью и благополучием, написанными на их лицах.

Да и могло ли быть иначе, когда каждая женщина этой страны имеет в среднем от трех до пяти мужей, и самым законным образом в мире? Многожудие тут процветает. Какой бы большой ни была семья, в ней никогда не бывает более одной женщины. И если семья насчитывает менее трех человек, к ней может присоединиться холостяк, внося свою лепту в общие расходы.

Как правило, мужчины слабы на вид, довольно сутулы, и редко доживают до преклонного возраста. Во время путешествия в Ладак я не встретил ни одного седовласого мужчины.

Дорога из Каргила к центру Ладака выглядит гораздо более оживленной, чем та, которой я только что прошел, поскольку украшена многочисленными деревушками, хотя деревья и зелень любого рода на ней чрезвычайно редки.

В двадцати милях от Каргила, на выходе из ущелья, образованного быстрым потоком Вакки, стоит небольшая деревня Шергол, в центре которой возвышаются три ярко раскрашенные часовни – чортены,* как называют их в Тибете.

Внизу, возле реки, протянулись груды камней, сваленных вместе и образующих длинные, широкие стены, на которых было разбросано в явном беспорядке много плоских, разноцветных камней с высеченными на них всевозможными молитвами на урду, санскрите, тибетском и даже арабском языках. Незаметно для моих кули я смог унести оттуда несколько таких камней, которые теперь можно увидеть во дворце Трокадеро. От Шергола можно на каждом шагу встретить эти вытянутые дамбы.

Следующим утром, с восходом солнца, раздобыв свежих лошадей, я продолжил свое путешествие, сделав привал подле монастыря (гота) в Мульбеке, который кажется приклеенным к склону одинокой скалы. Ниже расположена деревушка Вакка, неподалеку от которой можно увидеть еще одну скалу чрезвычайно странного вида, которая будто поставлена в этом месте руками человека. На одной из ее сторон высечен семиметровый Будда, остальная же часть украшена несколькими молитвенными гируэтами.

Это особого рода деревянные цилиндры, покрытые белой и желтой материей и привязанные ко вбитым в землю шестам. Малейшее дуновение ветра заставляет их колыхаться. Человек, который поместил их на скале, был освобожден от обязанности молиться, так как все, что только верующий мог бы попросить у Бога, начертано на них.

Весьма причудливый вид имеет этот выбеленный монастырь, который виден издали в окружении вращающихся молитвенных колес, отчетливо выделяясь на сером фоне гор.

Я оставил лошадей в селении Вакка и в сопровождении переводчика направился к гонпе, куда вела вырубленная в скале узкая лестница. Наверху нас встретил представительный лама с характерной редкой тибетской бородой. Его простоту превосходила лишь его любезность.

Костюм, который он носил, состоял из желтого платья и шапочки того же цвета с наушниками. В правой руке он держал медный молитвенный гируэт, который время от времени, никоим образом не прерывая нашей беседы, начинал вращать. Это действие поддерживало непрерывную молитву, передавая ее в атмосферу с тем, чтобы она быстрее вознеслась к небесам.

Мы прошли через анфиладу комнат с низкими потолками, со стенами, увешанными полками, где были выставлены различные изображения Будды – всевозможных размеров, сделанные из материалов разного рода и покрытые толстым слоем пыли. Мы, наконец, вышли на открытую террасу, с которой взгляду открывались окрестные пустоши этой негостеприимной страны, усыпанной серыми скалами и пересеченной единственной дорогой, оба конца которой терялись за линией горизонта.

Здесь мы уселись, и тут же нам подали пиво, сделанное из хмеля и сваренное в самом монастыре, называется оно чанг. Этот напиток быстро придает монахам дородность, что считается знаком особого расположения небес.

Здесь говорят на тибетском языке, его происхождение весьма туманно. Одно совершенно определено, некий тибетский царь, современник Магомета, решил создать универсальный

язык для всех последователей Будды. Руководствуясь этим намерением, он упростил грамматику санскрита и сочинил алфавит с огромным количеством букв, заложив тем самым основы языка с произношением столь же простым, сколь сложно и трудно написание. Чтобы изобразить какой-либо звук, необходимо использовать не менее восьми знаков.

Вся современная литература Тибета написана на этом языке, который в чистом виде употребляется лишь в Ладаке и восточном Тибете. В остальных частях страны употребляются диалекты, сложившиеся из сочетания этого родного языка и различных идиом, заимствованных у соседних народов того или иного района. В обычной жизни тибетцы говорят на двух языках, один из которых совершенно недоступен для женщин, а на другом говорит весь народ. И лишь в гонках тибетский язык пребывает в своей чистоте.

Ламы предпочитают, чтобы их посещали европейцы, а не мусульмане. Я попросил моего хозяина объяснить этот факт, и он ответил следующее: «Мусульмане не имеют никаких общих положений с нашей религией. Совсем недавно в результате успешной кампании они силой обратили часть наших единоверцев в ислам. Все наши усилия направлены на попытки вернуть этих мусульманских отступников от буддизма на путь истинного Бога.

Что же касается европейцев, тут совсем другое дело. Они не только исповедуют основные принципы монотеизма, но и, пожалуй, в большей мере заслуживают имя почитателей Будды, чем сами тибетские ламы.

Единственной ошибкой христиан явилось то, что, приняв великое учение Будды, они совершенно отделились от него, создав себе другого Далай-ламу, в то время как только наш обладает божественным даром созерцать величие Будды лицом к лицу и правом служить посредником между небом и землей».

«Кто же этот Далай-лама христиан, о котором ты говоришь? – спросил я. – У нас есть «Сын Божий», к которому мы обращаемся с пламенными молитвами и которого просим о заступничестве пред единым и неделимым Богом».

«Сахиб, я говорю не о нем. Мы также почитаем того, кого вы считаете Сыном Единого Бога и видим в нем не некоего единственного Сына, но совершенное существо, избранное из всех остальных. В самом деле, дух Будды был воплощен в священной личности Иссы, который без помощи огня и меча распространял учения нашей великой и истинной религии по всему миру. Я говорю скорее о вашем земном Далай-ламе, которому вы дали титул «Отца Церкви». Это великий грех; да простится он заблудшему стаду». – Сказав это, лама стал вращать свой молитвенный цилиндр.

Теперь я понимал, что его замечание относилось к Папе Римскому.

«Вы сказали мне, что Исса, сын Будды, распространял вашу религию по всей земле. Кто же он тогда?»

На этот вопрос лама широко раскрыл глаза, посмотрел на меня с изумлением и, пробормотав слова, которые мой переводчик не смог уловить, несколько неразборчиво продолжал говорить следующее:

«Исса – великий пророк, один из первых после двадцати двух Будд. Он более велик, чем любой из всех Далай Лам, так как является частью Духа нашего Господа. Именно он просветил вас, вернул в лоно религии души заблудших, позволил каждому человеческому существу различать добро и зло. Его имя и его деяния записаны в наших священных писаниях. И читая о его чудесном житии, прошедшем среди грешных и заблудших людей, мы оплакиваем ужасный

грех тех язычников, которые предали его мучениям и смерти».

Я был поражен рассказом ламы. Пророк Исса, его страдания и смерть, наш христианский Далай Лама, признание буддистами христианства – все это все больше заставляло меня думать об Иисусе Христе, и я попросил своего переводчика быть аккуратным и не упустить ни слова из того, что мог бы сказать лама.

«Где же теперь можно найти эти писания? И кем они впервые были записаны?» – спросил я.

«Основные свитки, списки с которых были сделаны в Индии и Непале в разные эпохи, можно найти в Лассе в количестве нескольких тысяч. В некоторых главных монастырях можно встретить копии, сделанные ламами во время поездок в Лассу в разное время и подаренные ими впоследствии своим монастырям в память об их паломничестве к обители великого учителя, нашего Далай Ламы».

«Но у вас самих нет ли копий, касающихся пророка Иссы?»

«У нас нет ни одной. Наш монастырь не из важных, и со времен его основания наши ламы получили в свое распоряжение лишь несколько сотен манускриптов. Великие монастыри владеют тысячами. Но это священные вещи, которые вам нигде не покажут».

Наша беседа длилась еще несколько минут, и я вернулся в лагерь, не переставая размышлять о рассказе ламы. Исса, пророк буддистов! Но как же он мог им быть? Будучи еврейского происхождения, он жил в Палестине и Египте, и в Евангелиях нет ни единого слова, ни намек о том, какую роль мог играть буддизм в обучении Иисуса.

Я принял решение посетить каждый монастырь в Тибете, надеясь собрать более полные сведения о пророке Иссе и, быть может, набрести на летописи, касающиеся его жизни.

Почти не осознавая того, мы преодолели перевал Намика на высоте 13 000 футов, откуда спустились в долину реки Сангелумы. Повернув на юг, мы добрались до Харбу, оставляя позади на другой стороне реки многочисленные деревни, среди которых Чагдум, стоящий на вершине скалы, имеет исключительно живописный вид.

Дома там белые, двух- или трехэтажные и очень веселые с виду – это свойство присуще всем деревням Ладака. Европейец, объезжая Кашмир, вскоре забывает свой национальный стиль в архитектуре, тогда как в Ладаке, напротив, он приятно удивлен видом опрятных маленьких домиков со створчатыми окнами, подобных тем, которые есть в каждом провинциальном городке Европы.

Возле Харбу, на двух отвесных скалах, можно увидеть руины маленького городка или деревни. Говорят, что буря или землетрясение разрушили его стены, хотя в отношении прочности они не оставляли желать лучшего.

На следующий день я миновал еще одну станцию и перешел перевал Фоту-Ла, 13 500 футов высотой, на вершине которого выстроена небольшая часовня.

Оттуда, следуя по абсолютно высохшему руслу реки, я спустился к селению Ламаюру, которое неожиданно предстает перед глазами путника. Монастырь, прилепившийся к склону одинокой скалы и чудесным образом сохраняющий равновесие, возвышается над деревушкой.

Лестницы в этом монастыре не известны. С одного этажа на другой там поднимаются с помощью веревок, внешнее сообщение осуществляется через лабиринты проходов и

коридоров. Ниже монастыря, чьи окна напоминают гнезда огромной птицы, находится маленькая гостиница, которая предлагает путешественнику несколько непривлекательных комнат.

Сразу же после моего приезда сюда, когда я было собрался растянуться на ковре, мои апартаменты были внезапно оккупированы группой монахов в желтых одеждах, которые допрашивали меня вопросами о том, откуда я приехал, какова цель моего путешествия и т.д. и т.п., и в конце концов, пригласили меня подняться в монастырь.

Несмотря на усталость, я принял их приглашение и начал взбираться вместе с ними по крутому проходу, вырубленному в скале и настолько увешанному молитвенными цилиндрами или колесами, что я каждую минуту касался их, заставляя возвращаться. Эти религиозные предметы были помещены сюда именно для того, чтобы проходящие не теряли время на молитвы, как если бы их дневные дела были настолько важны, что не оставляли бы свободного времени для религиозных обрядов.

Множество набожных буддистов используют течение реки с той же целью. Я видел целый ряд таких цилиндров, снабженных обычными формулами и размещенных вдоль берега реки таким образом, что вода постоянно поддерживала их в движении, освобождая владельцев от обязанности молиться.

Добравшись до цели, я уселся на скамейку в тускло освещенной комнате, стены которой были украшены неизменными изображениями Будды, а также книгами и гируэтами, мои словоохотливые хозяева сразу начали объяснять мне значение каждого предмета.

«И книги, которые у вас есть, несомненно, касаются религии?» - спросил я.

«Да, сахиб. Это тома, касающиеся самых первых и важнейших ритуалов общественной жизни. У нас есть несколько частей заветов Будды, посвященных великому и неделимому божественному Существо и всему, что вышло из его рук».

«А нет ли среди этих книг каких-либо записей о пророке Иссе?»

«Нет, - ответил монах. - У нас есть несколько главных трактатов о соблюдении религиозных обрядов. Что касается жизнеописаний наших святых, они хранятся в Лассе. Даже некоторые из наиболее важных наших монастырей еще не обзавелись ими. До прихода в эту гонпу я несколько лет жил в великом монастыре в другой части Ладака и там видел тысячи книг и свитков, переписанных в разное время ламами обители».

Расспрашивая монахов изрядное время, я узнал, что упомянутый монастырь был возле Леха. Мои настоятельные вопросы, однако, возбудили их подозрительность, и они с нескрываемым удовольствием сопровождали меня вниз, где я отошел ко сну после легкой трапезы, наказав моему индусу аккуратно расспросить молодых лам из гонпы о названии того монастыря, где их главный лама жил до своего назначения в Ламаюру.

Прямо на восходе, следующим утром, я продолжил поездку; индус сообщил мне, что ему не удалось вытянуть какие-либо сведения у лам, которые, по всему видно, были настороже. Я не стану останавливаться на описании монашеской жизни этих обителей, она в основном одинакова во всех монастырях Ладака. Впоследствии я увидел знаменитый монастырь Леха, визит в который в подробностях опишу далее.

От Ламаюру начинается крутой спуск, который через узкое сумрачное ущелье ведет к Инду. Не имея никакого представления об опасностях, которыми грозит этот спуск, я отослал моих

кули вперед и отправился по тропе между холмами коричневой глины – довольно ровной в самом начале, но вскоре приведшей к узкой и наполненной туманом выемке, вьющейся карнизом вдоль склона горы, с которой открывался вид на ужасающую пропасть.

Дорога была столь узкой, что, если бы мне повстречался ездок, мы, разумеется, никогда не смогли бы разминуться. Все описания не смогли бы передать величия и дикой красоты этой теснины, окаймленной вершинами, гребни которых устремлялись прямо к небу.

В некоторых местах проход настолько сужался, что из седла я мог кнутом коснуться противоположной скалы, тогда как в других смерть, казалось, пристально смотрела мне в лицо из глубин уходящей вниз бездны. Однако спешиваться было слишком поздно. Я мог лишь сожалеть о поспешности совершенного мною шага и продолжать путь со всей возможной осторожностью.

Эта расщелина на самом деле является огромной трещиной, образованной каким-то страшным сдвигом земных пластов, который, казалось, неистово разделил две гигантские массы гранитных скал. На дне я мог увидеть едва различимую белую полосу. Это был стремительный поток, чей неясный шум наполнял пропасть таинственными звуками. Надо мной висела узкая голубая лента – единственная часть небесного свода, видимая между скалами.

Созерцание этой волшебной природы было само по себе великим удовольствием. В то же время, мертвенная тишина, ужасающее безмолвие гор, только и нарушаемое меланхолическими всплесками воды внизу, наполняли меня печалью.

На протяжении восьми миль я испытывал эти ощущения, приятные и в то же время подавляющие, когда после крутого поворота вправо выехал из ущелья в долину, окруженную скалами, вершины которых отражались в Инде. На берегу реки стоит крепость Халси, знаменитая со времен мусульманского нашествия цитадель, возле которой проходит большая дорога, ведущая из Кашмира в Тибет.

Перейдя через Инд по некоему подобию подвесного моста, ведущего ко входу в крепость, я пересек долину и прошел деревню Халси, спеша на ночлег в деревушке Сноурли, которая расположена в долине Инда и построена на террасах, спускающихся к реке.

Два последующих дня я путешествовал спокойно и без всяких осложнений вдоль берегов Инда по живописной местности, которая привела меня в Лех, столицу Ладака.

Переходя небольшую долину Саспула возле деревни, что носит такое же название, я на протяжении нескольких километров в окрестностях находил каменные насыпи и чортены. Я также миновал два монастыря, над одним из которых развевался французский флаг. Позже я узнал, что некий французский инженер подарил его монахам, которые использовали его как украшение.

Я провел ночь в Саспуле, не забыв посетить монастыри, где в десятый раз увидел покрытые пылью статуэтки Будды, флаги и знамена, висающие в углу, ужасные маски, лежащие на земле, книги и свитки пергамента, сваленные в беспорядке, и обычную выставку молитвенных цилиндров.

Ламы, видимо, испытывают определенное удовольствие, выставляя напоказ эти предметы. Похоже, что они демонстрируют сокровища великой важности и при этом совершенно безразличны к тому в какой степени это вызывает интерес зрителя. Идея их, кажется, такова: «Мы должны показывать все, чем владеем, в надежде, что один лишь вид столь многих

священных вещей заставит путешественника уверовать в божественное величие человеческой души».

Что касается пророка Иссы, то мне дали объяснения, которые я уже слышал раньше, и сообщили уже известное – что книги, которые могли бы как-то прояснить этот вопрос, находились в Лассе и что лишь самые крупные монастыри располагают копиями этих книг. Я уже больше не помышлял о переходе Каракорума, но думал только о том, как узнать эту историю, которая могла бы, возможно, пролить еще немного света на внутреннюю жизнь лучшего из людей и в то же время расширить несколько неясные сведения, которые дают нам о нем Евангелия.

Неподалеку от Леха у входа в долину с тем же названием дорога проходит возле одинокой скалы, на вершине которой построен форт с двумя примыкающими к нему башнями (без гарнизона) и маленький монастырь Пинтак.

Гора высотой 10 500 футов охраняет вход в Тибет. Дорога затем круто поворачивает на север в направлении Леха, который, находясь на расстоянии шести миль от Пинтака, расположился на высоте 11 500 футов у подножия громадных гранитных колонн, чьи вершины, достигающие от 18 000 до 19 000 футов, покрыты вечными снегами.

Сам город, окаймленный низкорослыми осинами, поднимается рядами террас, над которыми возвышаются старая крепость и дворец древних правителей Ладака. Ближе к вечеру я въехал в Лех и поселился в бунгало, специально выстроенном для европейцев.

Ладак

Ладак исконно составлял часть Большого Тибета. Частые набеги завоевателей с севера, которые переходили эту страну для покорения Кашмира и сражались здесь, не только довели Ладак до нищеты, но в результате, переходя из рук одних завоевателей в руки других, он лишился политического господства Лассы.

Мусульмане, владевшие в далекую эпоху Кашмиром и Ладаком, силой обратили неспособное оказать сопротивление население Малого Тибета в ислам. Политическое существование Ладака прекратилось, когда сикхи присоединили эту страну к Кашмиру, который разрешил жителям Ладака вернуться к их древним верованиям.

Две трети населения воспользовались этими обстоятельствами, чтобы вновь воздвигнуть свои гонимы и вернуться к прежнему образу жизни. Лишь балтистанцы остались мусульманами-шиитами, к которым принадлежали их завоеватели. Однако, несмотря на это, сохранилось лишь смутное сходство с исламом, который в основном проявлялся в обычаях и практике полигамии. Некоторые ламы говорили мне, что все еще не оставляют надежды вернуть однажды этих людей к вере их предков.

В религиозном смысле Ладак был подчинен Лассе, столице Тибета и резиденции Далай Ламы. Именно в Лассе избираются главные хутухту, или ламы-первосвященники, как и чоцзоты, или администраторы. В политическом смысле страна подвластна махарадже Кашмира, которого представляет губернатор.

Население Ладака принадлежит к китайско-туранской расе и разделяется на ладаков и цампов. Ладаки ведут оседлый образ жизни, строят деревни вдоль своих узких долин, живут в двухэтажных домах, которые держат в опрятности, и возделывают большие участки земли.

Они исключительно уродливы, малы ростом, худы и сутулы, с маленькими головами, узкими

покатыми лбами, выдающимся скулами и маленькими черными глазами монгольской расы, с плоскими носами, большими тонкогубыми ртами, слабыми редкобородами подбородками и впалыми щеками, густо изборожденными морщинами. Добавьте ко всему этому бритую голову, с которой свисает узкая косичка, и вы получите основной тип не только жителей Ладака, но и всего Тибета.

Женщины столь же малы ростом, и у них такие же широкие скулы. Но они более крепкого телосложения, и их лица освещены приятными улыбками. У них радостный и спокойный нрав, и они склонны к веселью.

Суровость климата не позволяет ладакцам носить богатые или разноцветные одежды. Их платье сшито из простой серой льняной ткани, которую они производят сами, их панталоны, доходящие лишь до колен, сшиты из такого же материала.

Люди среднего сословия носят чога (вид плаща). Зимой надевают меховые шапки с наушниками, тогда как летом голова защищена матерчатой шапкой, верх которой свисает с одной стороны. Башмаки их сделаны из войлока и покрыты кожей, а на поясах болтается целый арсенал маленьких вещиц - игольницы, ножи, перьевые ручки, чернильницы, табачные кисеты, трубки и неизменные молитвенные гируэты.

Тибетцы, как правило, такого ленивого нрава, что косичка, которая со временем расплетается, не переплетается затем, по крайней мере, в течение трех месяцев, платье не меняется, пока само лохмотьями не падает с тела. Накидки, которые они носят, настолько грязны и обычно отмечены на спине большим салным пятном, оставленным их косами, которые каждый день тщательно смазываются салом. Они купаются раз в году, и не по своей собственной воле, а поскольку это предписано законом. По этой причине легко можно понять, что их близкого соседства следует избегать.

Женщины, наоборот, большие ценители чистоты и порядка. Они моются ежедневно и по малейшему поводу. Их костюм состоит из короткой белоснежной манишки, которая скрывает ослепительную белизну их кожи, и, накинутого на прекрасные округлые плечи, красного жакета, края которого заправляют в панталоны красного или зеленого полотна. Это последнее одеяние выглядит как бы надутым воздухом для защиты от холода. Также носят красные расшитые башмаки, отороченные мехом, а домашняя одежда дополнена широкой многослойной юбкой.

Волосы туго заплетены в косы, а к голове шпильками прикреплены длинные куски свисающей материи, что напоминает моду итальянских женщин. К этому головному убору причудливо подвешены различные цветные камушки, а также монеты и кусочки гравированного металла.

Уши закрыты матерчатыми или меховыми наушниками, в ходу также овечьи шкуры, защищающие только спину. Бедные женщины довольствуются обычными шкурами животных, тогда как женщины состоятельные надевают красивые накидки из красной материи, подбитые мехом и расшитые золотой каймой.

Гуляя по улицам или навещая подруг женщины неизменно носят за спиной наполненные торфом конусообразные корзины, узкие днища которых повернуты к земле, торф же составляет основное топливо страны.

Каждая женщина имеет определенную сумму денег, которая по праву принадлежит ей, и тратит она ее обычно на ювелирные изделия, покупая задешево большие куски бирюзы, которые добавляет к разным украшениям своей прически.

Женщины Ладака имеют социальное положение, которому завидуют все женщины Востока, поскольку они не только свободны, но и пользуются большим уважением.

За исключением небольших полевых работ, они проводят большую часть времени в походах по гостям. И здесь позвольте отметить, что праздные сплетни – вещь им незнакомая.

Оседлое население Ладака посвящает себя сельскому хозяйству, но имеет так мало земли (наделы каждого редко превышают десять акров), что доход, получаемый с нее, недостаточен для того, чтобы покрыть уплату налогов и элементарные жизненные нужды. К физической работе отношение презрительное. Низшее сословие общества носит название Бем, и общения с человеком этого сословия старательно избегают.

В часы досуга после работы на полях жители предаются охоте на тибетских козлов, шерсть которых высоко ценится в Индии. Самые бедные среди населения – те, кто не может позволить себе покупку охотничьего снаряжения, – нанимаются работать кули.

Эту работу выполняют и женщины, которые очень хорошо переносят усталость и обладают гораздо лучшим здоровьем, чем их мужья, леность которых такова, что они способны провести целую ночь на открытом воздухе, невзирая на жару и холод, растянувшись на гряде камней, лишь бы ничего не делать.

Многомужие, о котором я расскажу подробнее – это средство сохранения единства народа. Оно создает большие семьи, которые обрабатывают землю с помощью яков, зо и зомо (быков и коров) для общего блага. Член семьи не может отделиться от нее, и если он умирает, его доля возвращается общине.

Еще немного дохода дают посеы пшеницы, зерна которой из-за сурового климата очень мелки. Также выращивается ячмень, который размалывают перед продажей.

Как только заканчиваются все полевые работы, мужчины отправляются собирать в горах траву энориота, а также большое колючее растение дама. Из них делают топливо, которого так мало в Ладаке, где не увидишь ни деревьев, ни садов, лишь изредка можно найти на берегу реки скудные поросли тополя или ивы. Возле деревень можно также встретить осину; но из-за нехватки плодородной почвы садоводство ведется с трудом.

Отсутствие древесины заметно, кроме того, по жилищам, которые иногда построены из кирпичей, высушенных на солнце, но чаще из среднего размера камней, скрепленных вместе подобием известкового раствора, составленного из глины и измельченной соломы. Это двухэтажные строения, тщательно побеленные с фасада, с ярко раскрашенными оконными переплетами. Их плоские крыши образуют террасы, обычно украшенные дикими цветами, и здесь в теплое время года жители убивают время, созерцая природу и вращая свои молитвенные колеса.

Каждая постройка имеет несколько комнат, и среди них всегда есть одна для гостей, стены которой украшены роскошными меховыми шкурами. В остальных комнатах есть кровати и мебель. Богатые люди имеют, ко всему прочему, молельни, заставленные идолами.

Жизнь здесь весьма размеренна. Что касается пищи, выбор ее невелик. Ладакское меню очень простое. Завтрак состоит из ломтика ржаного хлеба. В полдень на стол ставят деревянную миску с мукой, в которую доливается теплая вода. Эта смесь взбивается маленькими палочками до тех пор, пока не достигнет консистенции густой пасты, и затем в виде маленьких шариков употребляется в пищу вместе с молоком.

По вечерам подают хлеб с чаем. Мясо считается чрезмерной роскошью. Лишь охотники вносят в меню небольшое разнообразие в виде мяса диких козлов, орлов и белых куропаток, которыми изобилует страна. В течение всего дня по любому поводу пьют цанг, подобие светлого не выхоженного пива.

Если случается ладакцу, оседлавшему пони (такие привилегированные особы весьма редки), отправиться в дорогу на поиски работы в округе, он запасается небольшим количеством еды. Приходит время обеда, он спешивается возле реки или ручья, наполняет маленькую деревянную чашку (с которой никогда не расстается) небольшим количеством муки, взбивает ее с водой, и наконец, поглощает эту пищу.

Цампы, кочевники, которые составляют другую часть населения Ладака, гораздо беднее и одновременно менее цивилизованны, чем оседлые ладаки. По большей части они являются охотниками и совершенно пренебрегают земледелием. Хотя цампы и исповедуют буддизм, они никогда не посещают монастыри, разве что в поисках еды, которую обменивают на дичь.

Обычно они становятся лагерем на вершинах гор, где страшный холод. В то время как собственно ладаки скрупулезно правдивы, любят учиться, но безнадежно ленивы, цампы, напротив, очень вспыльчивы, чрезмерно подвижны и великие лгуны, к тому же испытывают надменное презрение к монастырям.

Кроме них там обитает маленький народец кхамба, пришедший с окраин Лассы и влачащий жалкое существование в таборах, блуждающих по большим дорогам. Непригодные ни для какого труда, говорящие на языке, отличном от языка страны, в которой нашли пристанище, они являются предметом всеобщих насмешек; их терпят только из жалости к их плачевному состоянию, когда голод сгоняет их вместе искать по деревьям еду.

Полиандрия, преобладающая во всех тибетских семьях, сильно возбудила мое любопытство. Она ни в коей мере не следует из доктрин Будды, поскольку существовала задолго до его пришествия. Она приняла в Индии ощутимые размеры и является сильнодействующим фактором сдерживания в определенных пределах непрерывного роста населения, что достигается еще и при помощи отвратительного обычая удушения новорожденных младенцев женского пола; попытки англичан бороться против уничтожения этих будущих матерей остались бесплодны.

Сам Ману провозгласил многоженство как закон, и некие буддийские проповедники, отрекшиеся от брахманизма, перенесли этот обычай в Цейлон, Тибет, Монголию и Корею. Долго подавляемая в Китае, полиандрия процветала в Тибете и на Цейлоне, а также встречается среди калмыков, между тодами в южной Индии и наирами на берегах Малабара. Следы этого эксцентричного семейного обычая можно встретить и среди тасманцев, и на севере Америки среди ирокезов.

Если верить Цезарю, полиандрия также процветала в Европе, о чем мы можем прочесть в «О Галльской войне» (Книга V): «Жены делятся между десятью-двенадцатью мужчинами, по преимуществу между братьями и между отцами и сыновьями».

В результате всего этого невозможно считать полиандрию исключительно религиозной традицией. В Тибете, принимая в расчет незначительность наделов пахотных земель, приходящихся на долю каждого жителя, этот обычай лучше объясняется экономическими мотивами. Чтобы сохранить 1.500.000 жителей, расселенных в Тибете на площади 1.200.000 квадратных километров, буддисты были вынуждены принять полиандрию – каждая семья, ко всему прочему, обязана посвятить одного из своих членов служению Богу.

Сын-первенец всегда отдается гонпе, которая неизменно возвышается на въезде в каждую деревню. Как только ребенок достигает восьмилетнего возраста, его вверяют заботам каравана, проходящего мимо по пути в Лассу, где доставленный туда ребенок живет семь лет послушником в одной из гонп города.

Там он учится читать и писать, изучает религиозные обряды, знакомится со священными свитками, написанными на пали, в прошлом – языке страны Магадха, предполагаемого места рождения Гаутамы Будды.

Старший в семье брат выбирает жену, которая становится общей для всех членов его дома. Сватовство и брачная церемония носят самый примитивный характер.

Как только жена и ее мужья решают женить одного из своих сыновей, самый старший из них отсылается с визитом к кому-либо из соседей, у которых есть дочь на выданье. Первый и второй визит проходят в более или менее банальных беседах, сопровождаемых частыми возлияниями цанга, и лишь при третьем посещении юноша объявляет о своем намерении взять жену. Затем ему показывают дочь семейства, которая, как правило, знакома с женихом, – в Ладаке женщины никогда не закрывают свои лица.

Девушку не выдают замуж без ее согласия. Если же она хочет этого, то уходит с женихом и становится женой ему и его братьям.

Единственного сына, как правило, посылают к женщине, имеющей уже двух-трех мужей, и он предлагает ей себя в качестве еще одного супруга. Такое предложение редко отклоняют, и молодой человек сразу поселяется в своей новой семье.

Родители молодоженов обычно живут с ними до рождения первого ребенка. На следующий день после появления на свет нового члена семьи, дедушка с бабушкой оставляют все свое состояние молодой чете и уходят жить в небольшом доме отдельно от них.

Браки случаются и между сущими детьми, которые живут отдельно до достижения ими совершеннолетия. Женщина имеет право на неограниченное число мужей и любовников. Что касается последних, если она встретит молодого человека, который ей нравится, она приводит его в дом, отдает всем своим мужьям конге* и живет со своим избранником, объявив, что она завела джинг-тух («любовника»), новость, которая с совершенным самообладанием принимается мужьями.

О ревности здесь имеют самые смутные представления. Тибетец слишком хладнокровен, чтобы признавать любовь. Такое чувство было бы для него анахронизмом, даже если бы он не углядел в нем вопиющего нарушения заведенного порядка. Одним словом, любовь в его глазах предстала бы как неоправданный эгоизм.

В отсутствие одного из мужей его место предлагается холостяку или вдовцу. Последние являются большой редкостью в Ладаке, жены обычно переживают своих хилых мужей. Иногда выбирают странствующего буддиста, кого дела задержали в этой деревне. Таким же образом муж, который путешествует в поисках работы в соседних местностях, на каждой остановке пользуется таким же гостеприимством своих единоверцев, щедрость которых, однако, не всегда проявляется из-за скрытых мотивов.

Несмотря на специфику своего положения, женщины пользуются большим уважением и полной свободой в выборе мужей и любовников. Они всегда добродушны, интересуются всем происходящим и вольны пойти туда, куда только пожелают, кроме главных молитвенных залов в монастырях, доступ в которые им строго запрещен.

Дети уважают лишь своих матерей. Они не испытывают привязанности к отцам по той явной причине, что их слишком много.

Ни на минуту не одобряя многомужество, я не могу осуждать его в Тибете, поскольку без него население чудовищно возросло бы, голод и нищета захлестнули бы нацию, ведя за собой череду пороков: воровство, убийства и прочие преступления, доселе совершенно неизвестные в этой стране.

Праздник в Гонпе

Лех, столица Ладака, это маленький город, насчитывающий не более пяти тысяч жителей и состоящий из двух или трех улиц с домами, покрашенными в белый цвет. В центре города расположена базарная площадь, куда торговцы из Индии, Китая, Туркестана, Кашмира и разных частей Тибета приходят обменять свои товары на тибетское золото, поставляемое им местными жителями, которые стремятся обеспечить своих монахов не только одеждой, но и малейшими предметами обихода.

Старый пустующий дворец возвышается на холме, с которого виден весь город; посреди него находится просторная двухэтажная резиденция моего друга, визиря Сураджала, губернатора Ладака, симпатичнейшего пенджабца, получившего философское образование в Лондоне.

Чтобы разнообразить мое пребывание в Лехе, он устроил на базарной площади большой матч поло,* а вечером перед террасой его дома были устроены танцы и игры.

Множество фейерверков проливали блистающий свет на толпы людей, привлеченных представлением. Они образовали большой круг, посреди которого группа исполнителей, переодетых в дьяволов, животных и колдунов, резвилась, порхая, прыгая и кружась в ритмичном танце под монотонную музыку двух длинных труб в сопровождении барабана.

Адский шум и неумолчные крики толпы ужасно утомили меня. Представление завершилось грациозными танцами тибетских женщин, которые, кружась и покачиваясь из стороны в сторону, доходили до наших окон и совершали низкие поклоны, приветствуя нас бряцанием медных и костяных браслетов на скрещенных запястьях.

В начале следующего дня я отправился в большой монастырь Химис, который в живописном окружении расположился на вершине скалы, возвышающейся над долиной Инда. Это один из главных монастырей страны, содержащийся на пожертвования местных жителей и субсидии из Лассы. По дороге к нему, перейдя Инд по мосту, возле которого гнездятся многочисленные деревушки, можно встретить нескончаемые дамбы, покрытые камнями с надписями, и чортены, которые наши гиды проводники старались обходить с правой стороны. Я хотел повернуть лошадь влево, но ладакцы тут же заставили меня вернуться, ведя мою лошадь под уздцы вправо и объясняя мне, что таков обычай их страны. Я пытался выяснить происхождение этого суеверия, но безуспешно.

Мы продолжили свой путь к гонпе, которая была увенчана видной издалека башней с зубчатыми парапетами, и оказались перед большой дверью, раскрашенной в яркие цвета, - входом в обширное двухэтажное величественное здание, в котором находился внутренний двор, вымощенный небольшими камнями.

Справа, в одном из его углов, была другая раскрашенная дверь, окованная медными пластинами. Это вход в главный храм, внутреннее помещение которого украшено рисунками идолов и где можно увидеть огромное изображение Будды, обрамленное множеством меньших божеств.

Налево – веранда, на которой установлено огромное молитвенное колесо, и здесь к нашему прибытию собрались все ламы монастыря со своим настоятелем. Под верандой расположилось несколько музыкантов, державших в руках барабаны и длинные трубы. По правую сторону двора ряд дверей вел в комнаты монахов, которые были сплошь убраны священными рисунками и украшены маленькими молитвенными колесами, увенчанными трезубцами с лентами и раскрашенными в красный и черный цвета.

Посреди двора возвышались две высокие мачты, с верхушек которых свисали хвосты яков и длинные бумажные ленты, исписанные религиозными заповедями. Вдоль всех монастырских стен можно было увидеть молитвенные гируэты, украшенные лентами.

Царило всеобщее молчание, все с волнением ожидали начала какого-то религиозного таинства. Мы заняли места на веранде неподалеку от лам. Почти тотчас же музыканты извлекли из своих длинных труб мягкие монотонные звуки, которым аккомпанировал странного вида круглый барабан, приделанный к укрепленной в земле палке.

С первыми звуками заунывной песни, исполняемой под эту причудливую музыку, двери монастыря широко распахнулись, впустив около двадцати человек, переодетых животными, птицами, дьяволами и чудищами всевозможного вида. На груди у них были фантастические изображения демонов и черепов, вышитые разноцветным китайским шелком, тогда как с их головных уборов, имеющих форму конических шапок, свисали длинные многоцветные ленты, покрытые надписями. На лицах они носили маски с вышитыми белым шелком черепами.

Облаченные таким образом, они медленно обошли вокруг мачт, время от времени воздевая руки кверху и выбрасывая в воздух левой рукой некое подобие ложки, часть которой представляла собой кусок человеческого черепа, обрамленного волосами, снятыми, я уверен, с вражеских скальпов.

Их шествие вокруг мачт вскоре перешло в какие-то непрерывные прыжки. После долгого раската барабана они внезапно остановились, но лишь затем, чтобы вновь двинуться, угрожающе взмахивая в небо маленькими желтыми, украшенными лентами, палочками.

В заключение, поприветствовав ламу-настоятеля, они приблизились ко входу в храм, за ними в тот же момент последовали другие участники маскарада, чьи лица были скрыты медными масками. Их костюмы были сшиты из разноцветных, покрытых вышивкой тканей. В одной руке каждый держал тамбурин, а в другой звенящие маленькие колокольчики. С каждого тамбурина свисал шар, который при малейшем движении руки ударялся о звучную кожу инструмента.

Эти новые исполнители несколько раз обошли двор, отмечая каждый круг оглушительным грохотом, который производили все тамбурины, звучащие в унисон. Они закончили, отбежав к дверям храма и сгруппировавшись на ступенях перед ним.

Затем последовало всеобщее молчание, вскоре нарушенное появлением третьей компании переодетых мужчин, их огромные маски изображали различных божеств, во лбу у каждого был третий глаз. Возглавлял шествие Тхлоган-Поудма-Джунгнас, буквально «тот, кто был рожден в цветке лотоса», в сопровождении другой маски в богатых одеждах с большим желтым зонтом, покрытым узорами.

Его свита состояла из разных пышно одетых богов: Дордже-Тролонг, Сангспа Коурпо (собственно, самого Брахмы) и других. Эти актеры, как объяснил сидящий рядом с нами лама, представляли шесть классов существ, способных видоизменяться, – богов, полубогов, людей, животных, духов и демонов.

По обе стороны от этих, степенно продвигающихся персонажей, выступали другие маски в шелковых одеяниях потрясающих расцветок. Они носили золотые короны с шестью рядами цветочных узоров, увенчанные остроконечными верхушками, и каждый держал в руках барабан. Они обошли вокруг мачт положенные три раза под звуки резкой, нестройной музыки и, наконец, уселись на землю вокруг Тхлоган-Поудма-Джунгнаса, который тут же, с восхитительной важностью, вложил два пальца в рот, издав пронзительный свист.

В ответ на этот сигнал из храма вышли молодые люди, одетые воинами. Они носили ужасные зеленые маски, украшенные маленькими треугольными флажками, короткие рубашки и ножные браслеты из украшенных лентами бубенчиков. Производя адский шум своими тамбуринами и бубенчиками, они кружили вокруг богов, сидящих на земле. Двое крупных мужчин, сопровождавших их и одетых в обтягивающие одежды, играли роль шутов, исполняя всевозможные гротескные движения и комичные трюки. Один из них, все время танцуя, постоянно ударял в барабан своего приятеля. Это вызывало восторг толпы, которая награждала его кривляния взрывами смеха.

Свежая группа актеров присоединилась к толпе, представляя величайшие силы Божественного. Их костюмы состояли из красных митр и желтых панталон. Они несли те же колокольчики и тамбурины и заняли места напротив богов.

Одни из последних исполнителей вышли на площадку в красных и коричневых масках, на груди у них было нарисовано три глаза. Они вместе с предыдущими актерами разделились на две группы и под аккомпанемент тамбуринов и обычной музыки исполнили дикий танец – бросаясь вперед, отступая, кружась в хороводе, и выступая колоннами, заполняя паузы низкими поклонами.

Через некоторое время это удивительное представление, ужасно утомившее нас, понемногу стало успокаиваться. Боги, полубоги, цари, люди и духи поднялись и, сопровождаемые всеми остальными участниками маскарада, направились ко входу в храм, откуда с необычайной торжественностью вышли несколько мужчин в удивительных костюмах, изображающих скелеты. Все эти выходы были заранее организованы, и каждый имел свое особое значение.

Толпа танцоров уступила место этим существам похоронного обличья, которые чинно направились к мачтам. Там они застыли на месте, перебирая кусочки дерева, свисающие по бокам, таким образом, чтобы в совершенстве имитировать стук челюстей.

Они трижды обошли двор, шествуя в ритме прерывистого боя барабанов и, наконец, затаили религиозную песнь. Еще раз поработав искусственными челюстями, они опустили на землю свои «зубы» и, еще немного неприятно покривлявшись, застыли на месте.

В этот момент изображение врага человеческого, сделанное из подобия гипса и помещенное у подножия одной из мачт, было поднято и разбито на куски; старейший из зрителей раздал эти кусочки скелетам в знак их безропотной готовности присоединиться к ним вскоре на кладбище.

Представление подошло к концу и лама-настоятель подошел ко мне и попросил сопровождать его на главную террасу, чтобы отведать цанга, лившегося рекой по случаю праздника. Я с удовольствием принял его предложение, поскольку моя голова гудела от затянувшегося спектакля, свидетелем которого я только что был.

Перейдя через двор и поднявшись по лестнице, украшенной рядами молитвенных колес, мы прошли две комнаты, уставленные идолами, и вышли на террасу, где я уселся на скамью

напротив почтеннейшего ламы, глаза которого светились умом. Затем три монаха принесли нам кувшины с пивом, наполнили маленькие бронзовые чашки, которые вначале поднесли своему настоятелю, а потом мне и моим спутникам.

«Вам понравился наш маленький праздник?» – спросил меня лама.

«Я нашел его очень интересным! – ответил я. – На самом деле, я все еще нахожусь под впечатлением от увиденного. Но по правде говоря, я и в малейшей степени не подозревал о том, что буддизм в религиозных церемониях может предстать в такой причудливой форме».

«Ни одна религия, – ответил лама, – не имеет более театрализованных церемоний, чем наша. Но эта ее ритуальная часть ни в коей мере не нарушает фундаментальные принципы буддизма. Мы рассматриваем их как практическое средство поддерживать у невежественных толп любовь к единому Творцу и покорность Ему, совсем так же, как родители с помощью куклы завоевывают привязанность и послушание своего ребенка. В народе, точнее сказать в необразованных массах, мы видим Детей нашего Отца».

«Но какое значение, – продолжал я, – имеют все эти маски, костюмы, колокольчики и танцы – одним словом, все представление, которое явно проведено по определенной программе?»

«В году у нас есть несколько подобных праздников, – ответил лама. – Представляются мистерии, и актеры приглашаются принять в них участие. Им дается полная свобода в отношении движений и жестов, и предписывается придерживаться только определенных деталей и канвы главной идеи.

Наши мистерии – не что иное, как пантомимы, призванные показывать богов, пользующихся таким почитанием, которое дает человеку в награду чистоту души и веру в бессмертие.

Актеры получают свои костюмы в монастырях и играют после общих указаний, которые допускают полную свободу действий. Эффект, который они производят, действительно впечатляет, но лишь один наш народ и может воспринять смысл этих представлений. Вы также, как я понимаю, прибегаете к подобным действиям, которые, однако, ни в коей мере не изменяют ваших принципов монотеизма».

«Простите меня, – сказал я вновь, – но наверняка множество идолов, которыми уставлены ваши гонимы, являются вопиющим нарушением этих принципов?»

«Как я уже говорил, – отвечал лама, – человек живет и всегда будет оставаться в своем детстве. Он все понимает, видит и ощущает величие природы, но все же не способен понять Великий Дух, творящий и одушевляющий все.

Человек всегда ищет то, что доступно его ощущениям; ему никогда не удавалось долго верить в то, что ускользало от материальных чувств. Он всегда делал все возможное, чтобы изыскать прямые способы своего общения с Творцом, создавшим столько добра и в то же время, как ошибочно полагает человек, так много зла.

По этой причине человек восхищался каждым проявлением природы, имеющим благотворное влияние. Яркий пример этому – древние египтяне, которые боготворили животных, деревья и камни, ветер и дождь.

Другие нации, в равной степени погрязшие в невежестве, осознав, что дожди не всегда приносят богатые урожаи, а животные могут не слушаться своих хозяев, искали прямых посредников между собой и великими таинствами непостижимого могущества Творца. Поэтому

они создали идолов, которых считали беспристрастными по отношению к окружающему миру и к чьему посредничеству постоянно обращались.

С самых далеких веков до нынешнего дня, я повторяю, человек всегда тянулся к тому, что доступно ощущениям. Ассирийцы в поисках пути, который мог бы привести их к стопам Творца, обращали свой взгляд к звездам и смотрели на них с восхищением, хотя те и были вне пределов досягаемости. Гебры* сохранили подобное верование до сего дня.

Из-за своего ничтожества и слепоты рассудка человек стал не способен постичь невидимую и духовную нить, что соединяет его с великой Божественностью. Этим объясняется ослабление его божественного принципа и причина его извечного стремления владеть вещами осязаемыми.

Мы видим иллюстрацию этого в брахманизме, последователи которого, предаваясь любви к внешним формам, создали – не сразу, но постепенно – целую армию богов и полубогов. В то же время человек никогда не дерзал приписывать божественное и вечное существование видимым образам, сотворенным собственными руками.

Возможно, народ Израиля продемонстрировал более откровенно, чем какой-либо другой народ, человеческую привязанность ко всему, что конкретно. Ибо, несмотря на целый ряд удивительных чудес, сотворенных их Великим Творцом, – который един для всех народов, – они не удержались от того, чтобы не создать бога из металла в то самое время, когда их пророк Моисей просил за них Всевышнего.

Буддизм прошел через подобные изменения. Наш великий реформатор, Шакьямуни, вдохновленный Всевышним Судией, постиг истинное величие и неделимость Владыки. По этой причине он открыто отделился от браминов и их доктрины политеизма, проповедуя чистоту и бессмертие Творца и делая все возможное, чтобы низложить образы, созданные, как полагали, по Его подобию.

Признание, встреченное им и его учениками у народа, стало причиной серьезного преследования со стороны браминов, которые вопреки законам Всевышнего обращались с людьми весьма деспотично, создавая богов лишь с целью расширить источник своих личных доходов.

Наши первые святые пророки, которым мы дали звание Будд, – то есть мудрецов и святых, так как считаем их воплощением единого Великого Творца, – исстари обитали в разных странах земного шара. Поскольку их проповеди были направлены, прежде всего, против тирании браминов и порочного превращения ими религии в обычное средство наживы, пророки нашли огромное количество последователей среди низших слоев населения Индии и Китая.

Среди этих святых пророков особого поклонения удостоен Будда Шакьямуни,* который жил три тысячи лет назад и своими учениями привел весь Китай на путь единого истинного и неделимого Бога, а также – Будда Гаутама, живший две с половиной тысячи лет назад и обративший почти половину индусов в ту же веру.**

Буддизм разделен на несколько направлений, различающихся лишь некоторыми религиозными обрядами, основы же их доктрин повсюду одинаковы. Мы, тибетские буддисты, названы ламаистами*** поскольку отделились от фоистов около пятнадцати веков назад. С тех пор мы составляем часть почитателей Фо-Шакьямуни, кто первым собрал все законы, установленные разными Буддами в период великого раскола брахманизма.

Позднее монгольский хутухту перевел на китайский язык книги великого Будды, получив в

награду от императора Китая титул «Го-Чи» – наставник царя, – титул, который после его смерти был присвоен Далай-ламе Тибета и который с тех пор носят те, кто занимает этот пост.

Наша религия исповедуется двумя монашескими орденами – красным и желтым. Первые, – которые признают власть Панчена, проживающего в Таши Лумпо, главы гражданской администрации Тибета, – могут жениться. А мы – желтые монахи, давшие обет безбрачия, и наш непосредственный владыка – Далай-лама. Кроме этого пункта различия, ритуалы наших двух орденов одинаковы».

«И в обоих есть мистерии, подобные тем, что я видел сегодня?»

«Да, с очень немногими отличиями. Раньше эти праздники проводились с величайшей торжественностью и пышностью, но со времен завоевания Ладака наши монастыри не единожды подверглись разграблениям и наши богатства были отняты у нас.

Теперь мы вынуждены довольствоваться белыми ризами и бронзовой посудой, в то время как собственно в Тибете можно увидеть золотые сосуды и ткани, шитые золотом».

«Во время моего недавнего визита в гонпу один из лам рассказал мне о некоем пророке, или, как сказали бы вы, Будде, по имени Исса. Можете ли вы рассказать мне что-либо о его существовании?» – спросил я, желая не упустить благоприятную возможность начать разговор на тему, столь сильно волнующую меня».

«Имя Иссы пользуется большим уважением у буддистов, – ответил мой хозяин. – Но не многие знают о нем, за исключением лам-настоятелей, которые читали свитки, касающиеся его жизни. Существует несчетное число Будд, как Исса, и 84 000 существующих донные манускриптов содержат подробности из жизни каждого; но не многие прочли хотя бы сотую долю их.

Поступая согласно установленному обычаю, каждый ученик или лама, посещая Лассу, должен принести в дар одну или более копий тому монастырю, к которому он приписан. Наша гонпа, как и другие, располагает уже большим их числом. Среди них можно найти летописи о жизни и деяниях Будды Иссы, который проповедовал священное учение в Индии и среди детей Израилевых и был предан смерти язычниками, чьи потомки с тех пор приняли заповеди, которые он проповедовал и которые, мы верим, вы усвоили.

Великий Будда, Душа Вселенной, является воплощением Брахмы. Он почти непрестанно пребывает в покое, храня в себе все существующее от начала времен, и его дыхание оживляет мир. Предоставив человеку полагаться на собственные силы, он все же в некоторые эпохи выходит из своего бездействия, принимая человеческий облик, чтобы спасти свои творения от неминуемой гибели.

Во время своего земного существования Будда создает новый мир из разобщенных народов. И, выполнив свою задачу, он покидает Землю, вновь обретая свое невидимое состояние и жизнь в совершенном блаженстве.

Три тысячи лет тому назад великий Будда воплотился в прославленном принце Шакьямуни, тем самым продолжив череду своих двадцати воплощений. Две с половиной тысячи лет назад великая Душа мира вновь воплотилась в Гаутаме, заложив основы нового царства в Бирме, Сиаме и на разных островах.

Вскоре после этого буддизм начал распространяться в Китае – благодаря усилиям мудрецов, которые сделали все возможное, чтобы распространить священную доктрину. И в правление

Минг Ти из династии Хан, тысячу восемьсот двадцать три года назад,* заповеди Шакьямуни получили всеобщее признание народа. Одновременно с приходом буддизма в Китай его заповеди распространились среди израильтян.

Около двух тысяч лет назад совершенное Существо, вновь выйдя из своего бездействия, воплотилось в новорожденном младенце из бедной семьи. То была Его воля, чтобы ребенок простыми словами просвещал невежд в том, что касалось вечной жизни – своим собственным примером, возвращая людей на путь истины, открывая им дорогу, действительно ведущую к достижению нравственной чистоты.

Когда он был еще мальчиком, это святое дитя привели в Индию, где вплоть до зрелого возраста он изучал законы великого Будды, который вечно обитает на небесах».

В этот момент мой собеседник начал демонстрировать явные признаки утомления, принявшись крутить свой молитвенный цилиндр в знак того, что желает закончить беседу. Поэтому я поспешно задал следующие вопросы:

«На каком языке написаны основные свитки о жизни Исы?»

«Документы о его жизни, принесенные из Индии в Непал, а из Непала в Тибет, написаны на пали и сейчас находятся в Лассе. Но копии на нашем языке, то есть на тибетском, есть и в этом монастыре».

«Как относятся к Иссе в Тибете? Считают ли его святым?» – спросил я.

«Люди не знают о самом его существовании. Лишь верховные ламы, которые изучали документы о его жизни, что-то знают о нем. Но поскольку его доктрина не составляет канонической части буддизма, – ведь его почитатели не признают авторитета Далай-ламы, – пророк Исса официально не признан в Тибете святым».

«Не совершаете ли грех, рассказав об этих копиях чужеземцу?» – задал я вопрос.

«То, что принадлежит Богу, – ответил лама, – принадлежит и человеку. Долг обязывает нас со всей добросовестностью помогать распространению его священного слова. Я не знаю точно, где сейчас находятся эти документы; но если вы когда-нибудь вновь посетите нашу гонпу, я буду рад показать их вам».

В этот момент вошли два монаха, произнесли несколько слов, которые мой переводчик не смог разобрать, и сразу же удалились.

«Меня зовут к жертвоприношениям, – сказал лама. – Умоляю извинить меня».

Вслед за этим он поклонился и, направившись к двери, исчез. Мне ничего лучшего не оставалось, как вернуться в комнату, предоставленную мне, где, легко поужинав, я провел ночь.

На следующий день я возвратился в Лех, раздумывая, под каким предлогом я мог бы вновь посетить монастырь. Двумя днями позже я с посыльным отправил верховному ламе подарок, состоящий из будильника, наручных часов и термометра, одновременно извещая его о своем желании по возможности вернуться в монастырь до моего отъезда из Ладака в надежде, что он может позволить мне увидеть книгу, которая была одним из предметов нашей беседы.

Я наметил план достичь Кашмира и позже отправиться оттуда в Химис, но Судьба

распорядилась иначе. Когда я проезжал мимо холма, на вершине которого располагалась гонпа Пинтака, моя лошадь оступилась, и я был сброшен на землю так неудачно, что сломал правую ногу ниже колена.

Таким образом, было невозможно продолжать путешествие, и, так как я не имел никакого желания возвращаться в Лех или пользоваться гостеприимством в гонпе Пинтака (нездоровое место), я распорядился, чтобы меня отнесли в Химис, куда можно было добраться за полдня медленной езды.

На мою поврежденную конечность была наложена импровизированная шина - операция, причинившая мне огромные мучения, - и меня усадили в седло; один кули придерживал мою ногу, а другой вел лошадь под уздцы. Мы переступили порог Химиса поздним вечером.

Услышав о моем несчастье, все вышли мне навстречу. Меня с великой осторожностью перенесли в их лучшие покои и уложили на мягкую постель, возле которой стояло молитвенное колесо. Все это происходило под неустанным надзором настоятеля монастыря, который сочувственно пожал руку, протянутую мной в благодарность за его доброту.

На следующий день я сам сделал лучший вариант шины для ноги из небольших удлиненных деревянных палочек, соединенных между собой веревками; пребывание в абсолютной неподвижности оказалось столь благоприятно, что вскоре я был в состоянии покинуть гонпу и отправиться в Индию в поисках хирургической помощи.

Пока монастырский служка непрестанно крутил молитвенное колесо подле моей постели, святейший настоятель развлекал меня бесконечными занятными историями, постоянно вынимая мой будильник и часы из футляров и расспрашивая меня об их назначении и о том, как они работают.

В конце концов, уступив моим горячим просьбам, он принес мне два больших переплетенных фолианта с пожелтевшими от времени страницами и читал мне из них на тибетском языке биографию Иссы, которую я аккуратно записывал в мой carnet de voyage* вслед за моим переводчиком. Этот интересный документ написан в виде отдельных стихов, которые зачастую лишены последовательности.

За несколько дней мое состояние настолько улучшилось, что я был способен продолжить путь. Поэтому я, приняв необходимые меры предосторожности в отношении сломанной ноги, вновь направился в Индию через Кашмир. Это путешествие, проходившее в медленных переходах, продлилось двадцать дней и причинило мне много страданий.

Тем не менее, благодаря носилкам, любезно присланным мне господином Пейшо (я пользуюсь случаем поблагодарить его за великодушную заботу обо мне) и указу великого визиря магараджи Кашмира, в котором властям передавалось распоряжение обеспечить меня носильщиками, я смог добраться до Шринагара, который почти сразу покинул, так как торопился достичь Индии до появления первого снега.

В Мюрри я встретил одного француза, графа Анри де Сен-Фалья, который совершал увеселительную поездку по Индостану. Все время пути, который мы вместе проделали до самого Бомбея, молодой граф выказывал самое трогательное внимание к моим страданиям, что причиняли мне сломанная нога и лихорадка, которой я был тогда снедаем.

Я храню самые благодарные воспоминания о его доброте и никогда не забуду дружескую заботу, которую оказали мне по приезду в Бомбей маркиз де Морес, виконт де Бретей, местье Моно из Национального учетного банка, местье Моэ, директор консульства, и другие

доброжелательные члены французской колонии.

В то же время я пользуюсь случаем добавить несколько слов искренней благодарности многочисленным английским друзьям, которые во время моего пребывания в Индии почтили меня своей дружбой и гостеприимством, – среди них полковник и леди Нэпиер, мистер и миссис О'Коннор, мистер Хьюм, мистер Е. Кей Робертсон из «Сивил энд Милитари Газетт» и мистер Редьярд Киплинг.

Долгое время я размышлял о публикации писаний об Иисусе Христе, которые обнаружил в Химисе. Однако важные дела занимали все мое время, и лишь теперь, – после многих бессонных ночей, которые я провел, упорядочивая свои записи, располагая стихи согласно последовательности самого повествования и придавая всей работе единый характер, – я решил вынести на свет любопытный документ, следующий далее.

Жизнь Святого Иссы, Лучшего из Сынов Человеческих

Глава I*

1. Земля содрогалась и небеса стонали о великом злодеянии, совершенном на земле Израиля.
2. Ибо там подвергли мучениям, а затем предали смерти великого праведника Иссу, в коем обитала душа вселенной,
3. Что воплотилась в простом смертном, дабы творить добро людям и искоренить их дурные мысли,
4. Вернуть человека, опозоренного грехом, к жизни мира, любви и счастья и напомнить ему о едином и нераздельном Творце, милость которого бесконечна и не знает пределов.
5. Слушайте, что рассказали об этом торговые люди, ездившие в страну Израиля.

Глава II

1. Народ Израиля, живший на плодородных землях, что давали по два урожая в год, и владевший большими стадами, возбудил своими грехами гнев Бога,
2. Который наложил на него страшное наказание, отняв землю, скот и все состояние; Израиль был обращен в рабство могущественными и богатыми фараонами, царствовавшими тогда в Египте.
3. Они обращались с израильтянами хуже, чем с животными, обременяя их тяжелой работой и заковывая в цепи, покрывая тела их рубцами и ранами, не давая им пищи и запрещая жить под кровлей,
4. Чтобы держать их в постоянном страхе и лишить всякого подобия человеческого.
5. И в своем великом бедствии народ Израиля вспомнил своего небесного Покровителя и, обратившись к Нему, воззвал о милости и прощении.
6. В то время в Египте царствовал прославленный фараон, знаменитый многочисленными победами, накопленным богатством и обширными дворцами, которые воздвигли ему рабы своими руками.

7. У этого фараона было два сына, младшего из них звали Мосса. Ученые-израильтяне обучали его разным наукам.
8. И Моссу любили в Египте за его доброту и сострадание, кои он выказывал всем страждущим.
9. Увидев, что израильтяне не хотели, даже испытывая нестерпимые страдания, отречься от своего Бога, чтобы поклоняться сделанным рукой человеческой богам египетского народа,
10. Мосса уверовал в их незримого Бога, который не позволял сломить их слабые силы.
11. Израильские наставники возрадовались рвению Моссы и обратились к нему, прося его ходатайствовать перед фараоном, его отцом, о снисхождении к их единоверцам.
12. И пошел тогда принц Мосса к отцу, умоляя его облегчить участь этих несчастных. Но фараон разгневался на него, и лишь увеличил тяжесть страданий, претерпеваемых его рабами.
13. И случилось так, что вскоре после этого великое несчастье посетило Египет. Чума поразила смертью каждого десятого – малого и старого, слабого и сильного: и фараон уверовал, что прогневил своих богов.
14. Но принц Мосса сказал отцу, что это Бог его рабов вступился за несчастных и наказал египтян.
15. Фараон приказал сыну своему взять всех рабов иудейского племени, вывести их из города и основать на большом расстоянии от столицы другой город, где бы Мосса жил вместе с ними.
16. Мосса объявил евреям-рабам, что дает им свободу именем их Бога, Бога Израиля, и ушел он с ними из города и из земли египетской.
17. Он повел их в ту землю, которую они потеряли за многие грехи свои, дал им законы и убеждал их постоянно молиться невидимому Творцу, благость которого безгранична.
18. После смерти принца Моссы израильтяне строго соблюдали его законы, и за это Бог вознаградил их за все бедствия, которым они подвергались в Египте.
19. Их царство сделалось самым могущественным на всей земле, их цари славились своими богатствами, и долгий мир царил в народе Израиля.

Глава III

1. Слава о богатстве Израиля разошлась по всей земле, и соседние народы стали завидовать ему.
2. Но сам Всевышний вел победоносные армии евреев, и язычники не осмеливались на них нападать.
3. К несчастью, человек не всегда верен себе, и преданность израильтян своему Богу недолго длилась.
4. Они постепенно начали забывать все милости, которыми Он их осыпал, редко зывали к имени Его и искали помощи у магов и чародеев.
5. Цари и вожди заменяли своими законами те, что дал им Мосса. Храм Бога и богослужения были заброшены. Народ предавался наслаждениям и утратил свою изначальную чистоту.

6. Несколько веков прошло со времени их выхода из Египта, когда Бог решил вновь наказать их.
7. Иноземцы начали совершать набеги на землю Израиля, опустошая поля, разрушая селения и уводя жителей в плен.
8. И однажды пришли язычники из страны ромеев, по ту сторону моря. Они покорили евреев и поставили военачальников, которые правили ими по повелению кесаря.
9. Разрушая храмы, они принуждали жителей не поклоняться больше невидимому Богу, а приносить жертвы языческим божествам.
10. Из знатных родом они делали воинов, женщин уводили от их мужей, а простой народ, обращенный в рабство, тысячами отправляли за моря.
11. Что до детей, их предавали мечу. И скоро по всей земле Израиля слышались только рыдания и стоны.
12. В этом великом бедствии народ вспомнил о своем Боге. Они воззвали к Его милосердию, умоляя простить их, и Отец наш по Своей неистощимой благодати услышал их мольбу.

Глава IV

1. И пришло время, когда премилосердный Судия избрал воплотиться в человеческом существе.
2. И Вечный Дух, обитающий в царстве полного покоя и высшего блаженства, пробудился и отделился на неопределенный срок от Вечного Сущего,
3. Чтобы облекшись в человеческий образ, указать средства и способы соединения с Божественным и достижения вечного блаженства,
4. Чтобы Своим примером показать, как можно достичь нравственной чистоты, отделив душу от ее грубой оболочки, – достичь того уровня совершенства, что необходим для восхождения в непреходящее царство небесное, где царствует вечное блаженство.
5. Вскоре родилось в земле Израильской чудесное дитя, сам Бог говорил устами этого младенца о нищете телесной и величии души.
6. Родители новорожденного были бедные люди, но происходили из рода известного благочестием, и, предав забвению свое древнее величие на земле, славили имя Творца и благодарили Его за горести, посылаемые им как испытания.
7. В награду за то, что они не отвратились от пути истинного, Бог благословил первенца в этой семье. Он назначил его своим избранныком и послал его на помощь впадшим во грех и ради исцеления страждущих.
8. Божественное дитя, которому дали имя Исса, начало с самых юных лет говорить о едином и нераздельном Боге, призывая души заблудших к покаянию и очищению от грехов, в которых они были повинны.
9. Люди шли слушать его отовсюду и дивились речам его, исходящим из детских уст. Все израильтяне соглашались, что в этом ребенке обитает Вечный Дух.

10. Когда Исса достиг тринадцати лет, – а в эти годы каждый израильтянин должен выбрать себе жену, –
11. Дом его родителей, живших скромным трудом, начали посещать люди богатые и знатные, желавшие видеть своим зятем молодого Иссу, уже прославившегося назидательными проповедями во имя Всемогущего.
12. Но Исса тайно оставил родительский кров, ушел из Иерусалима и вместе с купцами отправился к Инду,
13. Чтобы совершенствоваться в Божественном Слове и изучить законы великих Будд.

Глава V

1. Четырнадцати лет юный Исса, благословенный Богом, переправился на другой берег Инда и поселился среди ариев в земле, возлюбленной Богом.
2. Слава о чудесном отроке распространилась по всему северному Инду, и когда он пересек страну пяти рек и Раджпутану, поклонники бога Джайны просили его поселиться среди них.
3. Но он покинул заблуждавшихся поклонников Джайны и отправился в Джаггернаут в землях Ориссы, где покоятся смертные останки Вьясы-Кришны и где белые жрецы Брахмы оказали ему радушный прием.
4. Они научили его читать и толковать Веды, исцелять молитвами, обучать, разъяснять народу священные писания и изгонять злых духов из тел человеков, возвращая им здравый ум.
5. Он провел шесть лет в Джаггернауте, Раджагрихе, Бенаресе и других священных городах. Все любили его, так как Исса мирно жил с вайшьями и шудрами, которым толковал священные писания.
6. Но брамины и кшатрии стали говорить ему, что великий Парабрахман запретил им приближаться к тем, кого Он сотворил из Своего чрева и ног;
7. Что вайшьям позволено только слушать чтение Вед и то лишь в праздничные дни;
8. Что шудрам воспрещается не только присутствовать при чтении Вед, но даже смотреть на них, потому что их долг – вечно трудиться, подобно рабам, на браминов, кшатриев и даже вайшьев.
9. «Только смерть может избавить их от рабства», – сказал Парабрахман. Оставь их, приди и поклоняйся с нами богам, которые прогневаются на тебя за неповиновение им».
10. Но Исса не слушал их речей и уходил к шудрам, выступая в своих проповедях против браминов и кшатриев.
11. Он восставал против того, что человек присваивает себе право лишать своих ближних человеческого достоинства; «ибо, – говорил он, – Бог-Отец не делает различия между своими детьми; все они равно дороги Ему».
12. Исса отрицал божественное происхождение Вед и Пуран. «Ибо, – наставлял он своих последователей, – закон уже был дан человеку, чтобы руководить им в делах его;
13. Бойся своего Бога, преклоняй колена только перед Ним одним и только Ему одному

приноси жертвы, которые ты получил от своих прибытков».

14. Исса отрицал Тримурти и воплощение Пара-брахмана в Вишну, Шиве и прочих богах, ибо говорил он:

15. «Вечный Судия, Вечный Дух создал единую и неделимую душу вселенной, которая одна творит, заключает в себе и оживляет все.

16. Он один властвовал и творил, Он один существовал от века, и бытию Его нет конца. Нет Ему равных ни на небе, ни на земле.

17. Великий Творец не разделял Своей власти ни с одним живым существом, еще менее с бездушной вещью, как вас тому учили; ибо Он один всемогущ.

18. Он изъявил волю, и мир явился. Божественной мыслью Он собрал воды, отделив от них сушу земного шара. Он есть начало чудного существования человека, в которого вдохнул частицу своего Бытия.

19. Он же подчинил человеку землю, воды, зверей и все то, что создал и Сам сохраняет в неизменном порядке, определяя каждой вещи ее срок.

20. Гнев Господа вскоре обрушится на человека, ибо тот забыл своего Творца, наполнил Его храмы мерзостью и поклоняется множеству тварей, которых Бог ему подчинил.

21. Ибо, почитая камни и металлы, люди приносят в жертву человеческие существа, в которых обитает часть духа Всевышнего.

22. Ибо человек унижает работающих в поте лица, заискивая перед бездельником, восседающим за пышным столом.

23. Те, кто лишает братьев своих божественного счастья, будут лишены его сами. Брамины и кшатрии станут шудрами, а с шудрами Вечное будет пребывать всегда.

24. Ибо в день последнего суда шудрам и вайшьям многое простится за их неведение; напротив, гнев Божий покарает тех, кто присвоил себе Его права».

25. Вайшьи и шудры исполнились восхищения и вопрошали Иссу, как им следует молиться, чтобы не потерять вечное блаженство.

26. «Не поклоняйтесь идолам, ибо они вам не внемлют. Не следуйте Ведам, ибо истина в них искажена. Никогда не ставьте себя выше других и не унижайте ближнего своего».

27. «Помогайте бедным, поддерживайте слабых, не делайте зла кому бы то ни было и не желайте того, чего не имеете, но что видите у других».

Глава VI

1. Белые жрецы и воины, узнав, какие речи Исса обращал к шудрам, задумали убить его и послали своих слуг выследить молодого пророка.

2. Но Исса, предупрежденный шудрами об опасности, покинул ночью предместья Джаггернаута, добрался до гор и поселился в стране гаутамидов, где был рожден великий Будда Шакьямуни, среди народа, почитавшего единого и величественного Брахму.

3. В совершенстве овладев языком пали, праведный Исса предался изучению священных писаний Сутр.
4. Через шесть лет Исса, которого Будда избрал распространять свое святое слово, стал превосходным толкователем священных писаний.
5. Тогда, покинув Непал и Гималайские горы, он спустился в долину Раджпутана и направился на запад, проповедуя разным народам о высшем совершенстве человека,
6. О том, что делать добро ближнему своему есть верное средство для скорейшего слияния с Вечным Духом: «Тот, кто вновь обретет изначальную чистоту, – говорил Исса, – умирая, получит отпущение своих грехов и право созерцать величие Бога».
7. Проходя языческие земли, божественный Исса учил, что поклонение видимым богам противоречит закону природы.
8. «Ибо человеку, – говорил он, – не дозволено видеть образ Бога, а он все же создал сонмы божеств по подобию Вечного.
9. Сверх того, совестно человеку ставить величие божественной чистоты ниже животных, а также и предметов, сделанных человеческими руками из камня или металла.
10. Вечный Законодатель – один; нет другого Бога, кроме Него. Он не делит мир ни с кем другим и не оповещает никого о Своих намерениях.
11. Как отец поступил бы со своими детьми, так Бог будет Сам судить людей после их смерти по законам Своего милосердия. Никогда Он не унизит Свое чадо, заставляя его душу переселиться, как в чистилище, в тело животного».
12. «Закон небесный, – говорил Творец устами Иссы, – против принесения человеческих жертв истукану или животным; ибо Я подчинил человеку всех животных и все, что есть на земле.
13. Все отдано человеку, который непосредственно и тесно связан со Мною, его Отцом; потому тот, кто похитит у Меня Мое чадо, будет строго судим и наказан божественным законом.
14. Человек – ничто пред Вечным Судией, как зверь – ничто пред человеком.
15. Посему Я говорю вам: «Оставьте своих идолов и не исполняйте обрядов, что разлучают вас с вашим Отцом, связывая вас со жрецами, от которых небеса отвернулись.
16. Ибо они отвратили вас от истинного Бога, а их суеверия и жестокость ведут вас к развращению души и потере всякой нравственности».

Глава VII

1. Слова Иссы распространялись среди язычников в странах, где он прошел, и жители покидали своих идолов.
2. Видя это, жрецы потребовали от него, восславившего имя истинного Бога, принародно доказать то, за что он их порицал, и продемонстрировать ничтожность их идолов.
3. И Исса ответил им: «Если ваши идолы и ваши звери могущественны и вправду обладают сверхъестественной силой, то пусть они поразят меня на месте».

4. «Тогда сотвори чудо, - отвечали жрецы, - и пусть твой Бог разрушит наших богов, если они противны Ему».
5. Но Исса сказал: «Чудеса нашего Бога совершались с первого дня создания вселенной, они совершаются каждый день и всякую минуту. Кто не видит их, лишается одного из прекраснейших даров жизни.
6. И не против бездушных кусков камней, металла или дерева будет направлен гнев Божий, но падет он на людей, кои, если жаждут спасения, должны разрушить всех созданных ими идолов.
7. Как камень и песчинка, ничтожные пред человеком, смиренно ждут, когда он возьмет их и употребит с пользой,
8. Так и человек должен ожидать великой милости, что Бог окажет ему на последнем суде.
9. Но горе вам, враги человеческие, если [получите] не милости, которых дожидаетесь, а гнев Божества, - горе вам, если вы ожидаете чудес, чтобы свидетельствовать о Его власти.
10. Ибо не идолов уничтожит он в своем гневе, но тех, кто воздвиг их. Их сердца будут преданы вечному огню, а их растерзанные тела утолят голод диких зверей.
11. Бог изгонит нечистого из Своих стад, но вернет Себе заблуждавшихся, не признавших в себе духовного начала».
12. Видя бессилие своих жрецов, язычники еще больше уверовали в слова Иссы и, убоявшись Божественного гнева, разбили своих идолов вдребезги. Что же до жрецов, то они бежали, спасаясь от мести народной.
13. И затем Исса учил язычников не стараться увидеть [земными] очами Вечный Дух, но стремиться почувствовать Его в сердце своем и чистотой души своей заслужить Его милости».
14. «Не только, - говорил он им, - не совершайте человеческих жертвоприношений, но не отдавайте на закланье ни одной твари, которой была дарована жизнь, ибо все сущее было сотворено на пользу человеку.
15. Не украдите у ближнего своего, ибо то, что вы похищаете, он заслужил в поте лица своего.
16. Не лгите, чтобы самим не быть обманутым. Старайтесь оправдаться до последнего суда, ибо потом будет слишком поздно.
17. Не предавайтесь разврату, ибо это нарушение законов Бога.
18. Вы достигнете высочайшего счастья, не только очищая самих себя, но и наставляя других на путь, что позволит им обрести изначальное совершенство».

Глава VIII

1. Соседние страны полнились слухами о проповедях Иссы и, когда он пришел в Персию, жрецы встревожились и запретили жителям слушать его.
2. А увидев, что все селения радостно встречают его и благоговейно слушают его речи, приказали схватить его и привести к верховному жрецу, где он подвергся следующему допросу:

3. «О каком новом Боге ты говоришь? Разве ты не знаешь, несчастный, что святой Зороастр – единственный праведник, удостоившийся общения с Высшим Существом,
4. Он повелел ангелам записать слово Божие на благо своему народу – законы, что были даны Зороастру в раю?
5. Кто ты такой, чтобы хулить нашего Бога и сеять сомнение в сердцах верующих?»
6. И Исса отвечал ему: «Не о новом Боге я возвещаю, а о нашем Отце Небесном, который существовал от начала и пребудет, когда все сущее перестанет существовать.
7. О Нем говорил я людям, которые, как дети невинные, не способны постичь Бога простой силой своего ума или проникнуть в его божественную и духовную возвышенность.
8. Но как новорожденный во тьме находит грудь матери, так и ваш народ, введенный в заблуждение вашим ложным учением и религиозными обрядами, узнал по наитию своего Отца в том Отце, чьим провозвестником я являюсь.
9. Вечно Сущий возвестил вашему народу моими устами: «Не поклоняйтесь солнцу, ибо оно – лишь часть мира, сотворенного Мною для человека.
10. Солнце восходит, чтобы согреть вас во время работы, и заходит, чтобы дать вам отдых, как Я установил.
11. Это мне, и только мне, вы обязаны всем, чем владеете, всем, что находится вокруг вас, над вами и под вами».
12. «Но, – возразили жрецы, – как может народ жить по законам справедливости, если у него нет наставников?»
13. На это Исса отвечал: «Пока у людей не было жрецов, естественный закон управлял ими, и они сохраняли чистоту своих душ.
14. Их души были в Боге и, чтобы общаться с Отцом, нет надобности в посредничестве идолов или зверей, или огня, как делают здесь.
15. Вы утверждаете, что нужно поклоняться солнцу, Духу добра и духу зла. Что ж, говорю я вам, ваше учение ложно, солнце не движется само по себе, но сообразно воле незримого Творца, давшего ему жизнь
16. И пожелавшего, чтобы оно было звездой, которая осветит день, согреет труд и посеет человека.
17. Вечный Дух – душа всего живого. Вы совершаете тяжкий грех, разделяя Его на дух зла и дух добра, ибо Он исключительно Бог Блага,
18. Который, как отец семейства, делает лишь добро Своим детям, прощая им все проступки, если они раскаиваются.
19. А дух зла обитает на земле в сердцах тех людей, которые совращают детей Божьих с прямого пути.
20. Посему говорю вам: «Бойтесь судного дня, ибо Бог наложит тяжкое наказание на всех, кто уведет детей Его с истинного пути и наполнит их суевериями и предрассудками;

21. На тех, кто ослепил зрячих, кто передал заразу здоровым и научил поклоняться тому, что Бог подчинил человеку для его блага и помощи ему в трудах.
22. Ваше учение, следовательно, есть плод ваших заблуждений; ибо, желая приблизить к себе истинного Бога, вы создали себе ложных богов».
23. Выслушав его, волхвы решили не причинять ему вреда. Но ночью, когда все селение спало, они вывели его за стены и оставили на большой дороге, в надежде, что он вскоре сделается добычей диких зверей.
24. Но, оберегаемый Господом нашим Богом, святой Исса невредимым продолжил свой путь.

Глава IX

1. Исса, избранный Творцом, чтобы напомнить человечеству, погрязшему в пороке, об истинном Боге, достиг возраста двадцати девяти лет, когда вернулся в землю Израиля.
2. Со времени его ухода язычники причинили еще более ужасные страдания израильтянам, и те пребывали в глубоком отчаянии.
3. Многие из них уже начали отказываться от законов своего Бога и законов Моссы в надежде ублажить жестоких завоевателей.
4. При виде такого бедствия Исса убеждал своих сограждан не отчаиваться, ибо близился день искупления грехов, и укреплял их в вере в Бога их отцов.
5. «Дети мои, не предавайтесь отчаянию, - говорил Отец Небесный устами Иссы, - ибо услышал Я голос ваш, и стенания ваши дошли до Меня.
6. Не плачьте, возлюбленные Мои! Ибо горе ваше тронуло сердце Отца вашего и Он простил вас, как прощал праотцев ваших.
7. Не бросайте своих семей, чтобы предаваться разгулу, не теряйте благородства своих чувств, не поклоняйтесь идолам, которые останутся глухи к голосу вашему.
8. Наполняйте Мой храм своей надеждой и своим терпением и не отступайте от веры отцов, ибо Я один направлял их и осыпал их благами.
9. Вы поднимете тех, кто упал, вы дадите пищу голодным и окажете помощь больным, чтобы все были чисты и праведны в день последнего суда, который Я уготовил для вас».
10. Израильтяне толпами сходились слушать слово Иссы, спрашивая его, где им следует поклоняться Отцу Небесному, когда враг стер с лица земли их храмы и осквернил священные сосуды.
11. Исса отвечал им, что Бог не имеет в виду храмы, возведенные руками человека, но считает сердце человеческое истинным храмом Божьим.
12. «Войдите в ваш храм, в ваше сердце. Осветите его добрыми мыслями, терпением и упованием непоколебимым, которое вам надлежит иметь к Отцу вашему.
13. А священные сосуды ваши - это ваши руки и глаза. Зрите и делайте то, что угодно Богу, ибо, делая добро ближнему, вы исполняете обряд, украшающий храм, где обитает Тот, Кто дал вам жизнь.

14. Ибо Бог создал вас по подобию Своему – невинными, чистыми душой, с сердцем, исполненным добра, предназначенными не измышлять злое, но стать святилищем любви и справедливости.

15. А посему говорю вам, не оскверняйте сердца своих, ибо Всевышний обитает там вечно.

16. Если вы хотите совершать дела, отмеченные любовью и благочестием, делайте их с открытым сердцем и не позволяйте себе руководствоваться в своих поступках расчетливостью или надеждой на вознаграждение.

17. Ибо такие дела не приблизят вас к спасению, но доведут вас до такого нравственного упадка, когда воровство, ложь и убийство считаются доблестью».

Глава X

1. Святой Исса ходил из города в город, укрепляя словом Божьим мужество израильтян, готовых пасть под бременем отчаяния, и тысячи людей следовали за ним, чтобы слушать его проповеди.

2. Но старшины городов испугались его и донесли главному правителю, который жил в Иерусалиме, что прибыл в страну человек по имени Исса, что своими речами он возбуждает народ против властей, что толпа, прилежно внимая ему, пренебрегает общественными работами и утверждает, что скоро избавится от самозванных правителей.

3. Тогда Пилат, правитель Иерусалима, приказал схватить проповедника Иссу, доставить его в город и привести на суд. Но чтобы не возбудить неудовольствия народа, Пилат наказал священникам и книжникам, еврейским старейшинам, судить его в храме.

4. Между тем Исса, продолжая свою проповедь, пришел в Иерусалим, и, узнав о его прибытии, все жители, уже слышавшие о нем, вышли навстречу.

5. Они приветствовали его с почтением и открыли пред ним двери своего храма, дабы услышать из его уст то, что он говорил в других городах Израиля.

6. И сказал им Исса: «Род человеческий погибает от недостатка веры, ибо тьма и буря разметали стада человеческие и те потеряли своих пастырей.

7. Но буря не будет длиться вечно и мрак не навсегда сокроет свет. Небо однажды прояснится, небесный свет разольется по земле и стада, ныне заблудшие, соберутся вокруг своего пастыря.

8. Не пытайтесь искать во тьме прямых путей, чтобы не сорваться вам в пропасть, но соберите оставшиеся силы, поддержите друг друга, возложите упование на Бога и ждите, пока не забрезжит свет.

9. Тот, кто помогает ближнему, укрепляется сам; и кто защищает свою семью, защищает народ и государство.

10. Будьте уверены, что близок день, когда освободитесь от мрака; соберетесь в одну семью, и враг ваш, неведающий милости Божьей, задрожит в страхе».

11. Первосвященники и старцы, внимавшие ему, преисполнились восхищения от речей его и спросили, правда ли, что он пытался поднять народ против властей страны, как доносили наместнику Пилату.

12. «Можно ли поднять на восстание людей заблудших, от которых сокрыты мраком врата их и путь их? – отвечал Исса. – Я лишь предостерегал несчастных, как и здесь, в этом храме, чтобы не шли они далее по темному пути, ибо у ног их отверзлась бездна.

13. Власть земная недолговечна и подвержена многим переменам. Что пользы человеку возмущаться против нее, видя, что одна власть всегда сменяет другую? Итак будет, пока не прекратится род человеческий.

14. Разве вы не видите, что власть имущие и богатые сеют среди сынов Израиля дух мятежный против вечной власти неба?»

15. Тогда старцы спросили: «Кто ты и из какой страны пришел к нам? Мы прежде не слышали о тебе и даже не знали твоего имени».

16. «Я израильтянин, – отвечал Исса. – Со дня моего рождения видел я стены Иерусалима и слышал стенания братьев моих, обращенных в рабство, и вопли сестер моих, уведенных язычниками.

17. И душа моя исполнилась печалью, когда увидел я, что братья мои забыли истинного Бога. Еще ребенком я покинул отцовский дом и ушел жить среди других народов.

18. Но услышав, что братья мои испытывают еще большие мучения, я вернулся в страну своих отцов, дабы напомнить братьям моим о вере предков, которая учит нас терпению на земле ради обретения совершенного и высшего счастья на небесах».

19. И мудрые старцы задали ему такой вопрос: «Говорят, что ты отвергаешь законы Моссы и учишь людей пренебрегать храмом Божьим?»

20. И Исса отвечал: «Нельзя разрушать то, что дано нашим Отцом Небесным, так же как и то, что уже разрушено грешниками; я же призывал к очищению сердца от всякой скверны, ибо оно есть истинный храм Божий.

21. Что до законов Моссы, то я старался утвердить их в сердцах людей. И говорю вам, что вы не разумеете их истинного значения, ибо учат они не мести, а прощению; но смысл их был извращен».

Глава XI

1. Выслушав Иссу, первосвященники и мудрые старейшины решили между собой не судить его, ибо он не причинил никому зла. И, представ перед Пилатом, которого языческий царь из страны ромеев назначил наместником в Иерусалиме, они сказали ему так:

2. «Мы видели человека, которого ты обвиняешь в склонении нашего народа к мятежу, мы выслушали его речи и знаем, что он наш соотечественник.

3. Но городские старшины прислали тебе ложные донесения, ибо это праведный человек, который учит народ слову Божьему. Допросив, мы отпустили его, чтобы шел он с миром».

4. Тогда правитель впал в ярость и подослал к Иссе своих переодетых слуг, чтобы они следили за всеми его действиями и докладывали властям о каждом слове, которое он обратит к народу.

5. Тем временем святой Исса продолжал посещать соседние города, проповедуя об истинных путях Творца, призывал евреев к терпению и обещал им скорое освобождение.

6. И все это время много людей шло за ним повсюду, куда бы он ни направлялся, некоторые неотступно следовали за ним и стали его приближенными.
7. Исса же говорил: «Не верьте чудесам, совершаемым рукою человека, ибо только Тот, Кто господствует над природой, может творить сверхъестественные дела, тогда как человек бессилён сдержать ярость ветра или пролить дождь.
8. Но есть чудо, которое возможно совершить и человеку. Когда, исполняясь искренней веры, он решает вырвать из своего сердца все дурные помыслы, и достигнув своей цели, не ходит более по путям беззакония.
9. Все дела, совершаемые без Бога, суть лишь заблуждения, соблазны и обольщения, которые лишь показывают, до какой степени душа того, кто занимается этим ремеслом, полна бесстыдства, лживости и пороков.
10. Не верьте прорицателям, один Бог знает будущее; тот, кто прибегает к гадателям, оскверняет храм своего сердца и выказывает недоверие своему Творцу.
11. Вера в оракулов и их прорицания разрушает врожденную простоту человека и его детскую чистоту. Адские силы овладевают им, побуждая совершать всякого рода преступления и поклоняться идолам;
12. Но Господь Бог наш, не имеющий Себе равного, един, всемогущ, всеведущ и вездесущ. Вся мудрость и весь свет принадлежат Ему.
13. К Нему должны вы обращаться за утешением в печалях, за помощью в трудах и за исцелением в недугах. И кто бы ни обратился к Нему, не будет отвергнут.
14. Тайна природы - в руках Божьих, ибо мир до своего появления пребывал в глубинах божественной мысли и стал материальным и зримым по воле Всевышнего.
15. Когда вы обращаетесь к Нему, станьте опять детьми, ибо вы не ведаете ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, а Бог есть Владыка всех времен».

Глава XII

1. «Праведный человек, - сказали ему соглядатаи правителя Иерусалима, - скажи нам, будем ли мы исполнять волю кесаря или дождемся скорого освобождения?»
2. Исса, узнав в них людей, подсланных следить за ним, отвечал: «Я не говорил вам, что вы будете освобождены от кесаря. Это душа, погрязшая в заблуждении, получит свое освобождение.
3. Нет семьи без главы, не будет порядка в народе без кесаря; ему должно оказывать полное повиновение, он один будет держать ответ за свои дела пред высшим судом».
4. «Обладает ли кесарь божественным правом? - еще спросили соглядатаи. - И лучший ли он из смертных?»
5. «Нет лучшего меж людьми, но всегда есть страдальцы, о которых должны заботиться избранные и назначенные исполнять эту миссию, используя средства, предоставленные им священным законом нашего Отца Небесного.

6. Милосердие и справедливость – высочайшие качества кесаря; имя его будет прославлено, если он придерживается их.
7. Но кто поступает иначе, кто переходит границы данной ему власти над подчиненными, заходя столь далеко, что подвергает их жизнь опасности, оскорбляет великого Судию и теряет достоинство в глазах людей».
8. Тем временем один из соглядатаев оттолкнул старую женщину, которая подошла к остальным, чтобы лучше слышать Иссу, и стал перед нею.
9. И тогда Исса сказал: «Не подобает сыну отстранять свою мать, занимая ее место. Кто не почитает мать свою, самое священное существо после Бога, не достоин называться сыном.
10. Слушайте же, что я скажу вам. Почитайте женщину, ибо она мать вселенной, и вся истина божественного творения заключена в ней.
11. Она – основа всего добра и красоты и она источник жизни и смерти. От нее зависит все существование мужчины, ибо она его природная и нравственная опора.
12. Она рождает вас в муках. Она в поте лица воспитывает вас и до самой своей смерти тревожится о вас. Благословляйте ее и чтите ее, ибо она ваш единственный Друг, ваша единственная опора на земле.
13. Почитайте ее, защищайте ее. Поступая так, вы обретете ее любовь и ее сердце и будете приятны Богу, и многие грехи простятся вам.
14. Любите также и жен ваших и почитайте их, ибо завтра они станут матерями, а позднее прародительницами расы.
15. Покорствуйтесь женщине. Ее любовь облагораживает мужчину, смягчает его ожесточенное сердце, укрощает зверя и делает его агнцем.
16. Жена и мать – бесценное сокровище, данное вам Богом. Они – лучшее украшение бытия, и от них рождаются все, кто населяет мир.
17. Как некогда Бог Сил отделил свет от тьмы и сушу от вод, так и женщина обладает божественным даром отделять в мужчине добрые намерения от злых умыслов.
18. Посему говорю вам, после Бога ваши лучшие мысли должны быть отданы женщинам и женам, ибо женщина для вас – храм, в котором вы легче всего обретете совершенное счастье.
19. Черпайте в этом храме нравственные силы. Здесь вы позабудете свои печали и неудачи и вновь обретете утраченные силы, необходимые для помощи ближнему.
20. Не подвергайте ее унижениям, этим вы унизите только самих себя и потеряете то чувство любви, без которого ничто не существует здесь, внизу.
21. Оберегайте свою жену, чтобы она могла оберегать вас и все семейство ваше. Все, что вы сделаете для своей жены, своей матери, для вдовы или другой скорбящей женщины, вы сделаете для Бога».

Глава XIII

1. Святой Исса таким образом наставлял народ Израиля три года – в каждом городе, каждом

селении, по дорогам и на полях, и всякое предсказание его сбывалось.

2. Все это время переодетые слуги Пилата пристально следили за ним и не слышали ничего подобного тому, что было в прежние годы собрано в донесениях городских старшин об Иссе.

3. Но правитель Пилат, встревоженный слишком большой известностью святого Иссы, который, по словам его врагов, желал возмутить народ и объявить себя царем, приказал одному из соглядатаев ложно обвинить его.

4. Тогда приказано было солдатам схватить Иссу, и они бросили его в подземную темницу, где всячески истязали его, надеясь вырвать у него признание, которое позволило бы предать его смерти.

5. Святой, думая лишь о высшем блаженстве братьев своих, выдержал все страдания во имя своего Создателя.

6. Слуги Пилата продолжали истязать его и довели его до крайней слабости, но Бог был с ним и не позволил ему умереть.

7. Узнав о страданиях и муках, которые претерпевал их святой, первосвященники и мудрые старейшины пришли умолять правителя освободить Иссу по случаю приближающегося большого праздника.

8. Но правитель решительно отказал им в этом. Тогда они просили позволить Иссе предстать перед судом старейшин, чтобы он был осужден или помилован до праздника, и на это Пилат дал согласие.

9. На следующий день правитель собрал военачальников, первосвященников, книжников и законников, чтобы они судили Иссу.

10. Привели святого из темницы и усадили перед правителем между двумя разбойниками, которых должны были судить в то же время, чтобы показать толпе, что не он один будет осужден.

11. И Пилат, обращаясь к Иссе, сказал: «Человече! Правда ли, что ты настраивал народ против властей с намерением самому стать царем Израиля?»

12. «Не делаютя царем по собственной воле, – отвечал Исса, – и лгут те, кто говорит тебе, что я поднимал народ на восстание. Я всегда говорил только о Царе Небесном и Ему поклоняться я учил народ.

13. Ибо сыны Израилевы утратили свою изначальную чистоту, и если не обратятся к истинному Богу, то будут принесены в жертву и храмы их будут лежать в руинах.

14. Земная власть поддерживает порядок в стране, и я учил их не забывать об этом. Я говорил им: «Живите сообразно своему положению и своей участи, чтобы не нарушать общественного порядка». И убеждал их также помнить, что беспорядок царит в их сердцах и умах.

15. За что и наказал их Отец Небесный и вверг в ничтожество их собственных царей. Я же говорил им: «Если вы станете покорны своей участи, в награду унаследуете царство небесное».

16. В то время привели свидетелей, один из которых показал так: «Ты говорил народу, что земная власть ничтожна пред царем, который вскоре избавит израильтян от языческого ига».

17. «Благословен будь, – сказал Исса, – за то, что изрек истину. Царь Небесный больше и могущественнее земного закона, а царство Его превосходит все царства земные.
18. И недалеко то время, когда, подчинившись божественной воле, народ Израиля очистится от своих грехов, ибо сказано, что явится предтеча объявить избавление народа, собрав всех воедино».
19. И правитель, обратившись к судьям, сказал: «Вы слышите? Израильтянин Исса признается в преступлении, в котором его обвиняют. Судите же его по своим законам и приговорите его к самому тяжкому наказанию».
20. «Мы не можем осудить его, – отвечали первосвященники и старейшины. – Ты сам только что слышал, что он имел в виду Царя Небесного и не проповедовал сынам Израиля ничего, что могло быть объявлено оскорблением закона».
21. Правитель Пилат послал тогда за свидетелем, который по его наущению предал Иссу. Этот человек пришел и обратился к Иссе так: «Разве не себя полагал ты царем Израиля, когда говорил, что Тот, Кто правит на небе, послал тебя подготовить Его народ?»
22. И Исса, благословив его, сказал: «Тебе простится, ибо не от себя говоришь!» Затем обратился к правителю: «Зачем унижать свое достоинство и учить приспешников своих жить во лжи, ты ведь и без этого имеешь власть осудить невинного?»
23. От этих слов правитель впал в страшную ярость, приказав вынести Иссе смертный приговор и помилование двум разбойникам.
24. Судьи, посоветовавшись меж собой, сказали Пилату: «Мы не примем на свои головы великого греха – осудить невинного и оправдать разбойников. Это было бы против закона.
25. Делай, что тебе угодно». Сказав это, первосвященники и старейшины вышли и омыли руки свои в священном сосуде, говоря: «Мы неповинны в смерти этого праведника».

Глава XIV

1. По приказу правителя солдаты схватили Иссу и двух воров и отвели к месту казни, где пригвоздили их ко врытым в землю крестам.
2. Целый день тела Иссы и двух воров оставались распятыми под охраной солдат, являя собой ужасное зрелище; народ стоял вокруг, родственники страдальцев молились и рыдали.
3. К заходу солнца страдания Иссы кончились. Он потерял сознание и душа праведника покинула тело и была принята Богом.
4. Так окончилось земное существование отблеска Вечного Духа в образе человека, спасшего закоренелых грешников и вынесшего множество страданий.
5. Между тем Пилат убоился содеянного им и отдал тело святого его родителям, которые похоронили его близ места казни. Толпы народа приходили молиться к гробнице Иссы и воздух был наполнен рыданиями и стонами.
6. Три дня спустя правитель, опасаясь народного возмущения, послал своих солдат вынести тело Иссы и похоронить его в другом месте.

7. На следующий день толпа нашла гробницу открытой и пустой. Тотчас же разнеслась молва, что Высший Судия послал Своих ангелов унести смертные останки святого, в коем на земле обитала частица Божественного Духа.

8. Когда слухи дошли до Пилата, он разгневался и запретил под страхом рабства и смерти произносить имя Иссы или молиться за него Господу.

9. Но люди продолжали оплакивать и громко прославлять своего Учителя, поэтому многие были уведены в рабство, подверглись истязаниям и были преданы смерти.

10. А ученики святого Иссы покинули землю Израилеву и рассеялись среди других народов, проповедуя о том, что следует отказаться от своих заблуждений, думать о спасении души и о высшем блаженстве, которое ожидает человечество в нематериальном мире света, где в покое и во всей Своей чистоте Великий Творец пребывает в совершенном величии.

11. Язычники, цари и воины, слушавшие проповедников, оставляли свои нелепые верования, покидали своих жрецов и их идолов, чтобы прославлять премудрого Творца вселенной, Царя царей, Чье сердце исполнено бесконечного милосердия.